

Лингвистическое Наследие

XX века

С. Д. Кацнельсон _____

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВА,

ЗНАЧЕНИЕ

И ОБОЗНАЧЕНИЕ

URSS

С. Д. Кацнельсон

СОДЕРЖАНИЕ СЛОВА, ЗНАЧЕНИЕ И ОБОЗНАЧЕНИЕ

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
В. М. Жирмунского (ответственный редактор),
профессора М. М. Гухман,
профессора С. Д. Кацнельсона

Издание третье

URSS

МОСКВА

Кацнельсон Соломон Давидович

Содержание слова, значение и обозначение / Под общ. ред.

В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона. Изд. 3-е.

М.: Едиториал УРСС, 2011. — 112 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

В настоящей книге крупного отечественного языковеда С. Д. Кацнельсона (1907–1985) дается анализ учения швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра о значимости, а также неогумбольдтианского видения мира; вместе с этим предлагается понимание семантической системы языка, отличное от системы Соссюра и неогумбольдтианства. Основными единицами семантической системы языка являются совпадающие с формальными понятиями лексические значения. В работе описывается влияние экспрессивных и жанровых характеристик значения на семантическую систему языка; рассматриваются проблемы полисемии и омонимии, структуры понятийного поля и генезис элементарных понятийных структур.

Книга рекомендуется специалистам по общему языкознанию и филологам других специальностей, а также психологам, философам и всем заинтересованным читателям.

Издательство «Едиториал УРСС».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.

Формат 60×90/16. Печ. л. 7. Зак. № 4128.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-354-01350-0

© С. Д. Кацнельсон, 1965, 2010

© Едиториал УРСС, 2004, 2010

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724-25-45
	URSS

9581 ID 119054

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

ПОЛНОЗНАЧИМОЕ СЛОВО И ПОНЯТИЕ

1. Основные разновидности полнозначимых слов

Противоположение полнозначимых (автосемантических) и служебных (синсемантических) слов является отправной точкой не только для грамматической классификации слов по так называемым «частям речи», но и для семасиологической их классификации на слова с лексическим и слова с грамматическим значением (или, как иногда предпочитают говорить, «грамматической функцией»). Полнозначимые слова самостоятельно выделяют объекты (т. е. вещи, явления, свойства, процессы и т. д.) и в речи выступают в роли членов предложения, тогда как служебные слова связаны с предметным содержанием лишь опосредованно, через полнозначимые слова, в контексте фразы. Служебные элементы лексики, как и морфологические показатели, выполняют грамматические функции актуализации полнозначимых слов, их сплочения в единое предложение, модальной характеристики высказываний и выражения межфразовых связей. К лексике первого рода относится подавляющее большинство существительных, прилагательных, глаголов, наречий, числительных и местоимений. К лексике второго рода принадлежат предлоги, союзы, связка, частицы и многие другие слова (как, например, *вдруг, уже, очень, сам, некоторый, каждый, казаться, начинать* и др.), которые Л. В. Щерба называл «строевыми элементами лексики» и которые, как он отмечал, «полностью не выяв-

лены еще ни для одного языка».¹ К служебным словам примыкают и те междометия, которые служат средством выражения аффективной модальности (вроде *ах*, *увь*, *тьфу* и др.), либо являются вспомогательными элементами речевой ситуации (вроде *эй*, *алло*, *чу*).

Служебные слова, как носители грамматических функций, подлежат компетенции грамматики. В рамках семиологического исследования мы, говоря о значениях, имеем в виду исключительно лексические (или, как их еще называют, «знаменательные», «вещественные») значения, т. е. значения полнозначимых слов.

Центральное место в полнозначимой лексике каждого языка занимают назывные слова, т. е. слова, обладающие назывной (номинативной) функцией. В семантико-грамматической классификации слов им противостоят местоимения, которые не называют предмет, а выделяют его путем указания (деиксиса). В основе противопоставления назывных и местоименных слов лежит, таким образом, различие называния и указания, требующее специального рассмотрения.

Указание как особый прием словесного выделения предмета предполагает конкретную ситуацию речи, т. е. непосредственную чувственную обстановку, в которой ведется разговор. Эту чувственную обстановку иногда называют «ситуацией *hic et nunc*», так как местоимения *hic* 'здесь' и *nunc* 'теперь' хорошо оттеняют ее специфику и могут рассматриваться как «начало» в системе координат, символизирующей «деиктическое поле» (*Zeigfeld*), т. е. семантическую сферу употребления указательных слов.²

«Здесь» — это тот узкий просцениум, на котором непосредственно разыгрывается акт речи, «теперь» — время, когда совершается этот акт. Всякие пространственные определения, не укладывающиеся в данное определение, это «не-здесь» (т. е. «там»), которое в некоторых языках распадается на «там» — более близкое (ср. нем. *da*) и «там» далекое, находящееся на грани поля чувственного

¹ Л. В. Щербачева. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1947, стр. 80.

² К. Бюлер. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena, 1934, стр. 102 (рус. пер.: Бюлер К. Тсория языка. М.: Прогресс, 1993).

восприятия или за его пределами (нем. *dort*), или «там» видимое и «там» невидимое. Равным образом все временные определения, отличающиеся от времени речи, это «не-теперь», не настоящее, т. е. либо прошедшее, либо будущее время.

Входящие в деиктическое поле языка личные местоимения выделяют участников разговора. «Я» — это говорящее лицо в отношении к самому себе, соответственно «ты» — это лицо, к которому обращается говорящий. Самое общее указательное местоимение «это» обозначает любой объект, находящийся в поле чувственного восприятия говорящих, в непосредственной близости от них. Все, что может быть выделено указательным жестом или взглядом, есть, с точки зрения говорящих, «это».

Ключевые слова деиктического поля «здесь» и «теперь» — это нечто вроде портативной шкалы для отсчета времени и пространства, шкалы, которая всегда к услугам говорящего и которой он охотно пользуется. Все деиктические слова обладают необычайной емкостью. Они могут охватить любую точку пространства и времени, любую вещь и любое лицо. Всякий момент времени есть «теперь» или «не-теперь», всякое место в пространстве — «здесь» или «там». «Это» — «самое общее слово. Кто это? Я. Все люди я...».³ Стоит, однако, отвлечься от ситуации речи, как значение таких слов мгновенно теряет свою чувственную определенность и расплывается, как туман. «Теперь», которое раньше обозначало утро, а потом полдень, может превратиться в ночь, «здесь», которое раньше обозначало «в комнате», теперь уже обозначает остановку трамвая или витрину с книжными новинками. Сами по себе все такие слова «пусты» и «бессодержательны», как говорит Гегель.⁴

Мы подошли здесь к пункту, позволяющему определить разницу между деиктическими словами и назывными.

Основными признаками деиктических слов являются:
1 ситуативность, т. е. смысловая зависимость от ситуации

³ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1947, стр. 258.

⁴ Г. В. Гегель. Феноменология духа. Перевод под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1913, стр. 45; см. еще: Б. Рассел. Человеческое познание. Перевод Н. В. Воробьева. М., 1957, стр. 110 и сл.

речи, вне которой значение таких слов расплывчато и неясно; 2) эгоцентризм, т. е. постоянная отнесенность к субъекту речи; 3) субъективность: внешний объект выделяется не по его собственным признакам, независимым от говорящего лица, а по совершенно случайному для него признаку соотношенности с говорящим лицом; 4) мгновенность и эфемерность актуального значения, меняющегося от одного случая употребления к другому.

В противовес деиктическим словам назывные: 1) надситуативны; они выделяют определенный объект независимо от того, присутствует ли он в данный момент в чувственной ситуации или нет; 2) не эгоцентричны, выбор слова уже не зависит теперь от говорящего лица, его местоположения и времени речи; 3) объективны, так как выделение предмета достигается теперь в опоре на некие релевантные признаки самого предмета; 4) семантически устойчивы и константны: в каждом акте употребления они сохраняют некое инвариантное ядро, определенный минимум признаков, необходимых для распознавания предмета. Назывные слова содержат в себе указание на качественную определенность предмета (ποιοτης античной грамматики и логики, Wasbestimmtheit К. Бюлера);⁵ и это обстоятельство существенно меняет лингвистическую модальность таких слов.

В деиктических словах существует разрыв между предметным значением и способом его выделения. Деиктическое слово направлено всегда на некий предмет (которым в случае местоимения 1-го лица является говорящий — сам по себе или вместе с лицами, от имени которых он выступает). Но данный предмет выделяется не по объективным признакам, а в отношении к говорящему лицу. В центре внимания находится при этом сам предмет, а не его отношение к говорящему, которое является лишь вспомогательным средством выделения предмета и в сознании присутствует имплицитно. Разрыв между объективным значением и лежащим в его основании субъективным отношением превращается, таким образом, в разрыв между эксплицитностью предметного значения и имплицитностью способа его выделения. Именно по-

⁵ К. Bühler. Sprachtheorie, стр. 103.

этому вопрос, что значит *это* или *я* «вообще», вызывает обычно затруднения. Предметное значение таких слов весьма неопределенно, а основание этой неопределенности — специфическое отношение предмета чувственного восприятия к говорящему — может быть осознано только теоретическим мышлением.

Другое дело — назывные слова. В них способ выделения значений не противоречит их объективной сущности. Выделяя предмет, такие слова одновременно выделяют в нем ряд существенных признаков, по которым он опознается. Объективный характер этих признаков делает значение более стабильным и облегчает его осознание. Вот почему на вопрос, что такое *дом* или *дерево*, легче добиться ответа, чем на вопрос, что такое *я* или *это*.

Деиктические слова часто употребляются независимо от чувственной ситуации, и это обстоятельство подрывает, казалось бы, все, что раньше говорилось о них. В реальности, однако, никакого противоречия здесь нет, так как независимое от чувственного окружения употребление деиктики обусловлено всякий раз словесным воссозданием ситуации речи. Если в развернутом повествовании мы встречаем такие слова, как *он*, *туда*, *вчера* и т. д., то правильное их понимание не вызывает, как правило, затруднений, так как в контексте содержатся необходимые для этого опорные пункты. Решающее значение в этом отношении имеет многоплановость текста, его расслоение на «авторскую речь», относящуюся к непосредственно данной чувственной обстановке, и вкрапления «чужой речи», предполагающие другие, опосредованные контекстом ситуации. Воспроизведение чужой речи, «прямое» или «косвенное», предполагает всегда наличие «вводящих слов», уточняющих опосредованную обстановку.

Но и в самой «авторской речи» деиктика зачастую теряет непосредственную связь с внешней ситуацией, получая функцию подсобного элемента, избавляющего нас от необходимости назойливо повторять то или иное назывное слово. Эта способность к замещению назывных слов превращает деиктические слова в местоимения. Грамматическая номенклатура выпячивает в деиктических словах функцию «заместительности» как основную. Но в генети-

ческом плапе и, что еще важнее, в современной иерархии отношений между различными способами употребления местоимений собственно местоименная функция (имеющая не только стилистический, но еще и грамматический аспект) явно вторична.

Назывные слова (в силу объективности и надситуативности их значения) занимают центральное место в словаре. Именно их имеют главным образом в виду, когда говорят о соотношении слов и понятий. Специфический разряд таких слов образуют имена собственные. О последних нередко говорят, что они не имеют лексического значения. Некоторые основания для такой их оценки несомненно имеются, и все же их приходится считать назывными словами.

Имя Петр или Василий само по себе ничего нового не сообщает о человеке, кроме того, что мы уже знаем из родового имени. Разве что по звуковой форме такого имени мы иногда опознаем национальную принадлежность человека, социальную среду, в которой он вырос, и т. п. Но, выделяя индивида в пределах рода, собственное имя, помимо общеродовых черт, содержит в себе еще намек на ряд индивидуальных особенностей; оно обладает способностью к максимальной актуализации родового значения, превосходя в этом отношении любое родовое (нарицательное) имя. Скептическая критика языка считала поэтому собственные имена идеальными обозначениями предметов, а родовые имена суррогатами, порожденными слабостью человеческой памяти. Ср. у Локка: «Так как значение и употребление слов зависит от связи между идеями и звуками, то, прилагая имена к вещам, душа необходимо должна иметь раздельные идеи вещей, а также удерживать в памяти особое имя каждой идеи... Между тем свыше человеческих сил построить и удержать в памяти идеи всех отдельных вещей, с которыми мы встречаемся: каждая птица и каждое животное, каждое дерево и растение, оказавшее воздействие на наши чувства, не может найти место в самом обширном уме. Если видят поразительную память в том, что некоторые полководцы могли назвать по имени каждого солдата в своей войске, то нам легко понять, почему люди не пытались дать имена каждой овце в своем стаде или каждой вороне, пролетающей

над их головами, еще менее назвать особым именем каждый лист растений или каждую песчинку на дороге». ⁶

2. Единство значений и понятий

Объективный характер назывных слов роднит их с понятиями. Лексические значения, как и понятия, это своего рода умственные «концентраты», сгустки человеческих знаний об определенных фрагментах и сторонах окружающей нас действительности. Значения слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности — обобщении и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т. е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений.

Эту важнейшую особенность значения видели уже древние индийские и греческие мыслители. Так, Вачаспати, один из виднейших представителей индийской философской школы Ньяя, «говорил, что слово обозначает общее, включающее в себя все индивидуумы, рассеянные во времени и пространстве, и, таким образом, относится к индивидуумам как настоящего времени, так и прошедшего». ⁷ Ср. также замечание Аристотеля: «Число слов и понятий (τῶν λόγων) ограничено, вещи же количественно бесчисленны. Одно слово и одно понятие по необходимости обозначает поэтому многое». ⁸

Все слова, как единицы языковой системы, выражают нечто общее. Даже собственные имена, которые часто упоминаются в этой связи в качестве исключения, содер-

⁶ Дж. Локк. Опыт о человеческом разуме. Перевод А. И. Савина. М., 1898, стр. 403—404.

⁷ С. Радхакришнан. Индийская философия, ч. II. М., 1957, стр. 92.

⁸ Н. Steinthal. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern. Berlin, 1863, стр. 186. Штайнталь понимает в данном случае аристотелевское *λόγος* как *Rede*, т. е. «речь, предложение». Но, как хорошо знает сам Штайнталь, это слово может обозначать у Аристотеля также «понятие, сущность» (*den Begriff, das Wesen*, стр. 214). Нам представляется более адекватным такой перевод и в приведенной цитате

жат в себе элемент обобщения. Выделяя какое-либо лицо, собственное имя объединяет различные состояния и аспекты его деятельности, различные периоды его физического и духовного развития. Обобщение в данном случае получает направление иное, чем в родовых именах, но из этого следует лишь то, что представленный в родовых словах тип обобщения не универсален.

Когда известный физик М. Борн выделяет «инвариант» в качестве «связующего звена между наивным и естественно-научным, квалифицированным мышлением»,⁹ то он лишь переводит слово «общее» на язык математики. Инвариантность, как подчеркивает М. Борн, присуща не только научным понятиям, но также словам и понятиям повседневной жизни. Тривиальные понятия, составляющие содержание слов обыденной речи, отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе классификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны (ср.: *рыба-кит*, *солнце поднялось* и т. п.). Но в принципе они однородны с абстрактными понятиями науки и отличаются от них только «допуском», аппроксимацией, степенью приближения к действительности. Уже самое элементарное понятие, как «стул», это «инвариант относительно изменений, происходящих во мне самом и в других вещах или лицах, воспринимаемых мной как образы», это следствие «происходящего в подсознании обобщения чувственных восприятий».¹⁰

Идея, согласно которой элементарные понятия повседневного обихода и абстрактные понятия науки сходятся в своих основах, разделяется виднейшими представителями современного естествознания.¹¹ К этой идее давно уже пришел диалектический материализм. При этом, однако, точка зрения диалектического материализма отли-

⁹ М. Борн. Физика в жизни моего поколения. М., 1963, стр. 97.

¹⁰ М. Борн. Физика в жизни моего поколения, стр. 95.

¹¹ Кроме названной работы М. Борна, см. еще: Н. Бор. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, стр. 95—96; Н. Weyl. *Philosophy of Mathematics and Natural Science*. Princeton, 1949, стр. 122, 234—235.

чается большей глубиной в оценке роли обобщения и абстракции в процессе познания действительности.

Математик А. Виттенберг¹² справедливо замечает, что так называемые конкретные понятия отнюдь не менее проблематичны, чем абстрактные, так как образование простейших понятий основано на том же «творческом начале нашего разума», что и конципирование абстрактных понятий. Но, возражая против мнения, будто простейшие понятия являются отражением реальных вещей, и настаивая на творческом характере человеческой мысли, он обнаруживает незнание либо полное непонимание диалектико-материалистической точки зрения по этому вопросу. Ленинская теория отражения органически сочетает материализм с признанием творческого момента в познавательной деятельности людей. В противовес вульгарно-материалистическому пониманию отражения как пассивного, «зеркально-мертвого» процесса, диалектический материализм выдвинул новое, диалектическое понимание, утверждающее противоречивую роль фантазии в образовании понятий. «Подход ума (человека), — писал В. И. Ленин, — к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете — бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*».¹³ Указывая на возможность превращения абстракции в чистую фантазию, В. И. Ленин тут же отмечает, что, с другой стороны, «нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке».

Диалектическое понимание отражения не исключает, таким образом, а, наоборот, с необходимостью предполагает наличие творческого момента в абстракции и возможность отлета фантазии от жизни. Фантастические поня-

¹² A. I. Wittenberg. Vom Denken in Begriffen. Mathematik als Experiment des reinen Denkens. Basel—Stuttgart, 1957, стр. 254, 326.

¹³ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1947, стр. 308.

тия вроде бога или души, кикиморы или жар-птицы, квинтэссенции (в алхимии) и теплорода представляют неразрешимую загадку только для вульгарного материализма. В народно-фантастической идее русалки, объединяющей качества женщины и рыбы, лежит в конечном счете та же особенность человеческого мышления, которая дала современной физике возможность сконструировать понятие элементарной частицы, объединяющей противоречивые и взаимодополняющие свойства корпускулы и волны, с той лишь, конечно, принципиальной разницей, что направленность мысли в случае научной интеграции существенно иная: не от реальности, а в сторону максимального приближения к ней.

Любое понятие и любое лексическое значение основано, таким образом, на обобщении и абстракции. Не только научные термины и стоящие за ними абстрактные понятия науки, но и слова обыденной речи являются продуктом абстрагирующей и обобщающей мысли. Но есть ли в таком случае необходимость различать лексические значения и понятия, нужно ли вообще сохранить оба термина?

Мнения исследователей по этому вопросу резко расходятся. Одни из них считают возможным отождествить лексическое значение или, по меньшей мере, его концептуальную «сердцевину» с понятием. Единственное, что, по мнению этих ученых, отличает значение от понятия, это наличие в слове ряда дополнительных наслоений, как экспрессивно-эмоциональные и стилистические «оттенки», элемент чувственной наглядности и т. п. Другие исследователи начисто отвергают возможность сопоставления значений и понятий, полагая, что такое сопоставление навязывает лингвистическим фактам чуждую им логическую точку зрения.¹⁴

Оба взгляда представляются мне несколько односторонними.

¹⁴ Ср., с одной стороны, статью Л. С. Ковтун «О значении слова» (Вопр. яз., 1955, № 5, стр. 65 и сл.) и работу Л. О. Резникова «Понятие и слово» (Л., 1958; см. гл. «Содержание понятия и значение слова») и, с другой стороны, предисловие В. А. Звегинцева к русскому переводу книги А. Шаффа «Введение в семантику» (М., 1963, стр. 49).

Противники отождествления слова и понятия обычно ссылаются на факты несовпадения значений в разных языках. Значения, говорят они, порождаются системой языка и в каждом языке принимают своеобразный и неповторимый характер. Понятия же едины и в принципе не знают национальных и языковых различий. Все это в значительной мере так. Но что из этого следует? Факты семантического расхождения языков лишь усложняют проблему соотношения слова и понятия, но никоим образом не снимают ее. Процесс закрепления, выражения и раскрытия понятий протекает, как известно, в словах, и задача исследования заключается в том, чтобы, исходя из фактов семантического своеобразия языков, показать, как при всем этом своеобразии становится возможным реальный переход от слова и его значения к понятию.

Но и прямое отождествление значения (или его понятийного «ядра») с понятием не спасает положения. Приравнивать концептуальное содержание слов к понятиям значит, с одной стороны, игнорировать значительные расхождения между языками в содержании и семантической структуре слов и, с другой стороны, не видеть существенной разницы между усвоением слов и усвоением понятий и, в более общей форме, между знанием языка и знанием действительности.

Механическое отождествление значения и понятия обходит молчанием все вопросы, над разрешением которых бьется современная семасиология. Как с позиций такого отождествления подойти к оценке соссоровской значимости, неогумбольдтианства, гипотезы Сэпира—Уорфа? Как согласовать признание принципиального единства человеческого мышления с фактами расхождений в семантической структуре различных языков? Исследователи, отождествляющие концептуальное содержание слова с понятием, предпочитают, как правило, не входить в обсуждение таких щекотливых тем и отделяются общими замечаниями. Они не вдаются также в «тонкости» различий между энциклопедическими и толковыми словарями, хотя вопрос о соотношении этих типов словарей имеет прямое отношение к вопросу о соотношении понятия и значения слова.

К проблеме соотношения лексического значения и понятия можно, вообще говоря, подойти с двух сторон: со стороны мышления и со стороны языковых форм. Первый подход предполагает рассмотрение процесса выражения и раскрытия понятий в языковых формах, второй — рассмотрение причин и типов отклонений лексических значений от понятий. В одном случае нас интересуют явления, проистекающие из органической связи языка и мышления и решающего воздействия мышления на язык, в другом — явления, проистекающие из лабильности связей между языком и мышлением, обратного воздействия языка на мышление. Относительная автономность языка в области семантики выражается в факте несовпадения значений в разных языках, в факте языковой обусловленности значений, их зависимости от системы языка. На вопросы первого рода мы попытаемся ответить в настоящей главе. Вопросам второго рода посвящены последние главы.

Обращаясь к вопросам первого рода, необходимо прежде всего уточнить понятие «концептуального ядра» в значении слова.

Концептуальное ядро значения обычно обволакивается дополнительными смысловыми «оттенками» экспрессивного и стилистического свойства. Слова *конь* и *лошадь* выражают в основном одно и то же значение (так в словаре Ушакова; четырехтомный «Словарь русского языка» АН СССР находит, однако, что первое из них употребляется «преимущественно о самце», что составляет уже различие концептуального порядка). Вместе с тем оба слова обнаруживают ряд экспрессивных и стилистических оттенков. В слове *конь* улавливается оттенок торжественной и поэтической речи; кроме того, оно употребляется как элемент военного профессионального языка и в коннозаводческой практике. Наличие дополнительных оттенков в слове *конь* позволяет рассматривать это слово как стилистический вариант (стилистический синоним) нейтрального в стилистическом отношении слова *лошадь*.

Помимо стилистических оттенков, в окружающей концептуальное ядро семантической «оболочке» иногда выделяют еще «чувственно-наглядные компоненты». Условно объединяя такие компоненты в особое «значе-

ние слова», Л. О. Резников характеризует его следующим образом: «Чувственно-наглядное значение содержит в себе обобщенные образы восприятия и представления в той мере, в какой они связаны с понятиями и выражаются в процессе общения».¹⁵ Но есть ли вообще необходимость в таком выделении чувственно-наглядных компонентов в качестве особого элемента, противопоставленного понятиям? Мне думается — нет.

Изучение понятийного содержания слова не должно вести к односторонней логической трактовке языковых форм, при которой весь язык получает крен в сторону научного мышления. Ставшее уже традиционным сопоставление предложения с суждением, грамматики с логикой и лексического значения с лишенной чувственных элементов абстракцией односторонне соотносит язык с одной из форм мышления, а именно с мышлением теоретическим, протекающим в абстрактных понятиях, вне наглядного представления. Из такого рассмотрения совершенно выпадают художественное мышление, использующее слово для образного воспроизведения действительности, а также обыденное мышление, в котором деловая информация и прагматическое использование языка играют большую роль, чем отвлеченное рассуждение.

Заметим, впрочем, что и научное мышление само по себе также не чуждается элементов чувственной наглядности. «Образование абстрактных понятий и операции с ними уже включают в себе представление...».¹⁶ Современная психология хорошо раскрывает связь научных абстракций с чувственным содержанием. Обосновывая положение, что «никакое отвлеченное познание невозможно в отрыве от чувственного», С. Л. Рубинштейн писал: «Это верно не только в том смысле, что любое теоретическое мышление исходит в конечном счете из эмпирических данных и приходит даже к самому отвлеченному содержанию в результате более или менее глубокого анализа чувственных данных, но и в том более глубоком смысле, что то или иное, пусть очень редуцированное чувственное содержание всегда заключено и внутри отвлеченного

¹⁵ Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 59.

¹⁶ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 153.

мышления, образуя как бы его подоплеку. Во всякое понятийное обобщение, как правило, вкраплена чувственная генерализация».¹⁷

Главное в значении слова это обобщенный характер содержащегося в нем отражения реальности. Степень отвлеченности и схематичности такого обобщения или, наоборот, степень его насыщенности конкретно-чувственными элементами и, так сказать, картинности различна в разных словах. В элементарных словах повседневной жизни элементов образности больше, чем в абстрактных терминах науки. Во всех случаях, однако, элементы образности и чувственной генерализации образуют существенный компонент понятийного содержания слова. Такие слова повседневной речи, как *дом, стол, лес, река, блестящий, высокий, острый, горький, копать, шуметь, мелькать* и т. д., явно содержат в себе яркий образный элемент. Выводить этот элемент за пределы понятийного содержания слова — значит производить искусственное преобразование значения.

В разговорной речи и художественном повествовании элемент образности может получить дальнейшее развитие, будучи подкреплен другими словами (как в случае присоединения к слову *дом* дополнительных характеристик, описаний фасада, высоты, месторасположения, внутренних помещений и т. д.). «Пластический миметизм» слова¹⁸ помогает в данном случае воспроизводить открывающуюся чувствам картину внешнего мира. Но элемент созерцания и представления в составе значения может быть и подавлен в результате процесса последовательного отвлечения (например, при переходе от данного дома к другим, и дальше — к понятиям домо- и градостроительства как элементов материальной культуры). Отображение внешнего мира принимает в этом случае особый, свойственный научному изложению характер. Оба метода рассмотрения, — наглядный и абстрактный, — одинаково заложены в природе слова. Кое-кому термин «образное мышление» представляется чем-то несуразным, вроде

¹⁷ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 70—71.

¹⁸ А. Валлон. От действия к мысли. Перевод под редакцией А. Н. Леонтьева. М., 1956, стр. 230.

круглого квадрата, из-за сочетания «несовместимых» моментов чувственной образности и абстрактной понятийности. Но мысль — это не обязательно научное заключение; мысль присутствует и в поэтической строчке, и в деловом сообщении и в обрывке беседы, и в наивном замечании ребенка.

Именно благодаря элементам наглядности в содержании слова возможно обучение лексике путем демонстрации предметов, — метод, с которого начинается всякое обучение языку в детстве и к которому мы прибегаем и позднее, как только попадаем в обстановку незнакомой нам речи. Конечно, показывая предмет и одновременно называя его, давая ему, как выражается Б. Рассел,¹⁹ «наглядное определение (ostensive definition)», мы, разумеется, не показываем общего, что лежит в основе значения. Еще Аристотель говорил, что общее «нельзя чувственно воспринимать»; то, на что указывают, есть всегда отдельное, находящееся в данное время, в таком-то месте. И все же, добавлял он, «из многократности отдельного становится очевидным общее».²⁰ Происходит это не потому, что, как часто думают,²¹ многократное произнесение слова, сопровождаемое показыванием вещи, содействует будто бы механическому закреплению навыков употребления слова. Процесс «наглядного определения» слова не может быть сведен к выработке условного рефлекса, это сложный процесс последовательной выработки понятий различного уровня мысли. (Подробнее об этом будет сказано дальше). «Наглядное определение» простейших слов эффективно потому, что в таких словах содержится элемент наглядности. Конечно, общее как таковое не может быть ни указано, ни показано. Общее — это нечто большее, чем сумма отдельных вещей, и не может быть сведено к сколь угодно большому конечному множеству.²² Но общее познается только в постоянной связи с отдельным и через отдельное. Прimitивная абстракция зарождается путем отсеивания одних чувственных признаков предмета как

¹⁹ Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1957, стр. 40.

²⁰ Аристотель. Аналитики. М., 1952, стр. 242.

²¹ См.: Б. Рассел. Человеческое познание, стр. 99.

²² G. Klaus. Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1963, стр. 57.

иррелсвантных и выделения других чувственных признаков в качестве ее «сущности», или инвариантной основы. Многократная демонстрация вещи, сопровождаемая единообразным ее названием, содействует выявлению внешних сходств и различий и тем самым формированию обобщенного отражения предмета и усвоению его наименования.

3. Отношение лексического значения к понятиям **формальным** и **содержательным**

Рассмотрим теперь вопрос о соотношении концептуального ядра лексического значения с понятием.

Для этой цели необходимо прежде всего остановиться на различии понятий **формальных** и **содержательных**.

Формальным понятием мы будем называть тот минимум наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета. Этот минимум обычно охватывается формальным определением предмета, которое руководствуется «тем, что более обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим».²³ В формальном понятии подытоживается главное из того, что нужно знать о предмете, но именно поэтому всякий новый шаг в познании предмета выводит за пределы такого понятия.

Содержательное понятие идет дальше формального и охватывает все новые стороны предмета, его свойства и связи с другими предметами. Легко заметить, что понятие второго рода отличается от первого только по содержанию, но не по объему. Это, в сущности говоря, две части одного и того же понятия, и вместо терминов «формальное» и «содержательное понятие» можно было бы с одинаковым правом воспользоваться терминами «формальная» и «содержательная» части понятия. Но, не говоря уже о том, что вторая пара терминов более громоздка, принятая нами терминология удобнее тем, что она резче оттеняет грань между элементами содержания. Ведь раз-

²³ В. И. Ленин, Соч., т. 42, стр. 289—290.

личаем же мы формально-логическое и диалектическое понятия о предмете. А что такое диалектическое понятие, как не содержательное понятие, стремящееся к всестороннему охвату предмета во всех его связях и опосредованиях? Диалектическая логика учит, что такой охват практически недостижим, но «требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления».²⁴

Так как формальное понятие включает в себе минимум сведений о предмете, то его познавательное значение в общем невелико. К формальным понятиям в этом отношении приложимо все то, что Энгельс и Ленин говорили о формальных определениях. Все такие определения имеют, с научной точки зрения, небольшое значение. «Но, — добавляет Энгельс, — для практического применения краткое указание наиболее характерных отличительных признаков в так называемом определении часто бывает полезно и даже необходимо».²⁵

Если теперь мы спросим себя, чему соответствует понятийное ядро значения, то ответ, как мы думаем, будет таков: значение слова в своем концептуальном содержании соответствует формальному понятию. В значение слова как единицы языковой системы входят только основные признаки предмета, необходимые для его опознания и для правильного употребления его имени. Разница между толковым и энциклопедическим словарем как раз в том и состоит, что — в части понятийного содержания — толковые словари дают лишь минимальные сведения о предмете, в узких границах формального понятия, тогда как энциклопедические словари призваны дать содержательное понятие о нем, как оно предстает в свете современной науки.

Формальные понятия, как уже говорилось, могут быть эксплицированы с помощью формальных определений (дефиниций). Но определения, даваемые толковыми словарями, зачастую производят впечатление чего-то искусственного и вызывают множество пареканий. Л. Вайсгербер, например, отмечает неудовлетворительность определений в гриммовском толковом словаре немецкого языка,

²⁴ Там же.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 362. Ср. еще стр. 82.

даже в тех его частях, которые составлены выдающимися лексикологами.²⁶ Критика толкования слов нередко используется при этом для дискредитации не только толковых словарей, но и самих значений. И все же, несмотря на логическую несостоятельность и тяжеловесность многих таких толкований, они необходимы и полезны как лингвистический прием экспликации содержания слова.

Когда мы в словаре Ушакова в статье *журица* читаем: «домашняя птица — самка петуха», а затем в статье *петух*: «домашняя птица, самец кур», то перед нами пример кругового определения, способный вызвать у логика улыбку. Но в задачи толкового словаря входит не создание стройной и непротиворечивой теории птицеводства и т. п., а раскрытие семантического содержания слова. Условием эксплицитирования значений и неперемнной предпосылкой их объективного исследования является переводимость, в частности «внутренний перевод» с помощью «метаязыковых определений», синонимов и тавтологических выражений.²⁷ Ср. в словаре Ушакова: *жить* — «(о человеке и животном) находиться в процессе жизни, существовать»; *дикий* — «находящийся в первобытном состоянии, некультурный».

Ощущение неловкости и тяжеловесности, производимое многими примерами толкования слов в лингвистических словарях, проистекает оттого, что в естественном процессе обучения языку мы усваиваем такие слова путем «наглядного определения». В нашем уме слова эти хранятся как элементарные единицы, в общем не требующие пояснений. Когда в толковом словаре Ушакова мы читаем, что кровать это «предмет домашней обстановки, служащий для сна и представляющий собой длинную раму на четырех ножках с двумя спинками, на которую кладется постель», а скамейка это «приспособление для сидения в виде доски или нескольких узких, сколоченных вместе, досок на стойках, чаще без спинки», то та-

²⁶ L. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache. (Von den Kräften der deutschen Sprache, II). Düsseldorf, 1950, стр. 25—26.

²⁷ Ср. замечания В. В. Иванова и Р. Якобсона по этому вопросу (см.: Zeichen und System in der Sprache, II. Berlin, 1962, стр. 53 и 116—117).

кие определения смущают нас не только в силу деловых или вещественных неточностей (под приведенное описание кровати не подойдет, например, современная алюминиевая раскладная кровать — так называемая «раскладушка», — которая опирается на три необычные ножки, или, точнее, складные подпорки; а под определение скамейки не подойдет наиболее распространенный теперь вид парковых скамеек, которые как раз чаще всего бывают со спинкой). Смущают они нас скорее потому, что нам никогда не приходило до того в голову называть скамейку «приспособлением для сидения», а кровать «научно» величать «предметом домашней обстановки».

Все дело в том, что лексика (хранящийся в головах у говорящих запас слов) распадается на ряд пластов, из которых основной и самый элементарный пласт образуют абстракции, основанные на обобщении чувственных признаков и усваиваемые нами с детства путем «наглядного определения». Они служат основой для образования более общих слов. Естественный порядок образования идей таков, что от элементарных значений типа «кровать», «стол», «стул» и т. д. мы продвигаемся к понятию «мебели» или «домашней обстановки», а не наоборот. Другое дело — понятия, усваиваемые нами позднее. Здесь обычно процесс усвоения идет по правилам формального определения, где сначала дается указание на «ближайший род», а потом — на «специфические отличительные признаки»; ср.: *горизонт* — «круговая линия, отделяющая в глазах наблюдателя видимое им небо от земной поверхности».

В стратиграфии лексических напластований существенную роль играет, конечно, не только логическая структура значения, но также степень доступности вещи и способ ознакомления с нею. Толкование *ели* в словаре Ушакова несколько подавляет своей научностью: «крупное, вечнозеленое хвойное дерево конусообразной формы с длинными чешуйчатыми шишками», тогда как пояснение таких слов, как *бамбук* или *баобаб* не производит подобного впечатления (ср. соответственно: «тропический древовидный злак с очень крепкой, внутри полой древесиной» и «гигантское тропическое дерево с очень толстым стволом»). Все дело в том, что о ели мы узнаем очень рано, нередко ведя наше знакомство с ней от новогодней

елки, тогда как о тропических растениях мы в наших широтах узнаем гораздо позже. Многие в определении ели (вечнозеленость, конусообразность формы, чешуйчатость шишек) представляется нам более сложным, чем сам по себе предмет. Но такие же элементы в определении бамбука («тропический», «древовидный», «полая древесина») нас не смущают и представляются нам вполне уместными. Вряд ли, однако, точно так же воспримет определение бамбука житель Сухуми, имевший возможность рано познакомиться с данным растением с помощью «наглядного определения».

При раскрытии содержания слова в словаре важно воспроизвести содержание лежащего в основе значения формального понятия, не преуменьшая и не преувеличивая его. Словарь Ушакова предлагает, например, следующее толкование *воды*: «прозрачная, бесцветная жидкость, которая в чистом виде представляет собою химическое соединение кислорода и водорода». Ссылка на химический состав воды помогает, конечно, отождествить объект, но вносит в содержание значения лишние моменты. Элементарное понятие о воде формируется в нашем уме задолго до знакомства с основами химии. Гораздо важнее было бы внести в определение указания на естественные и искусственные водоемы (колодцы, водопровод, река и т. д.), как это делает Даль, и важнейшие функции воды как средства утоления жажды, мытья, варки и т. п.

В задачи лексикографического толкования входит не только перечисление основных признаков обозначаемого предмета, но также определение границ употребления слова. Несколько игривое и вычурное толкование *брюк* в словаре Ушакова («верхняя мужская одежда нижней половины тела, штаны») неполно прежде всего потому, что оно не ограничивает данное слово от семантически близких к нему слов, как *штаны*, *шаровары* и т. д. Мы уже не говорим об отсутствии стилистических помет (ср. у Щербы: брюки — «слово не грубое», тогда как штаны — «грубоватое»²⁸). Но здесь мы вторгаемся в область вопросов, «подведомственных» следующим главам.

²⁸ Л. В. Щерба. Преподавание языков в средней школе, стр. 68.

Интересные мысли о слове как выражении формального понятия были высказаны в свое время Н. Г. Чернышевским. «Словами, — писал он, — охватывается не все содержание представлений, а лишь доля его, и во многих случаях эта доля, — хотя и существенная, — доля очень маленькая».²⁹ Слово лишь крайне неполно отражает действительность, «это не более, как бледный и общий, неопределенный намек на действительность».³⁰

Но, будучи неполным и весьма поверхностным отражением предмета, слово, точнее его концептуальное содержание, выполняет существенную роль в процессе мышления: когда человек «мыслит посредством слов, он делает это по удобству заменять многосложное простым», слово «свидетельствует ему, что являющееся ему представление уж было подробно рассматриваемо им много раз и что теперь нет надобности тратить время на новое рассматривание этого представления, можно смело и быстро пользоваться им, как уж хорошо знакомым».³¹

В уме человека, в кладовой его памяти, понятия хранятся в двояком виде: как содержательные понятия, охватывающие всю сумму знаний человека о данном предмете, и как их формальные дубликаты, тесно связанные с значениями слов. Содержательные понятия хранятся в «свернутом» виде, и без нужды мы не обращаемся к ним. Не к чему ворочать целыми глыбами и при каждом упоминании о предмете мобилизовать весь наш запас сведений о нем. При обычных условиях достаточно оперировать словом как носителем формального понятия, не загромождая мысль излишними деталями.

Содержательные понятия у разных людей могут оказаться различными в силу различий индивидуального опыта, уровня образования, самостоятельности мысли, творческой одаренности и т. д. Что же касается формальных понятий, образующих содержание слов, то в принципе они должны быть одинаковы у всех членов данной языковой общности. В этом направлении идет разграниче-

²⁹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 837.

³⁰ Н. Г. Чернышевский. Избранные философские произведения. М., 1938, стр. 348.

³¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, стр. 837.

ние «ближайшего» и «дальнейшего» значения у А. А. Потепни. «Ближайшее, или формальное значение слов... делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга... Общее между говорящим и слушающим обусловлено их принадлежностью к одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе как при посредстве народного понимания, т. е. языка и средств, создание коих обусловлено существованием языка».³²

«Дальнейшие значения» Потепни — это, в сущности, то, что мы называем содержательными понятиями. Согласно Потепни, они «личные», но из них вырастает «высшая объективность науки», имеющая общечеловеческую значимость. Вообще говоря, все понятия «личные» в том смысле, что мышление реально существует только как развивающееся мышление бесчисленных индивидов прошлого, настоящего и будущего, и все понятия социальные, так как они возникают и развиваются в обществе, будучи обусловлены практической деятельностью общественно-организованных людей. Но формальные понятия тяготеют к сфере народного языка и в принципе не терпят индивидуальных отклонений. Они образуют содержание слов, имеющих интерсубъективную значимость. Содержательные понятия, напротив того, допускают множество индивидуальных отклонений; вместе с тем именно они — при известных условиях — ведут к образованию научных и других духовных ценностей, имеющих объективную и тем самым общечеловеческую значимость.

Но если значение слова выражает лишь формальное понятие, т. е. лишь часть, самую общую часть его содержания, то как быть с остальной частью? Разве она не может быть передана словами? Конечно, может, но функция слова при этом существенно меняется.³³ Выражая фор-

³² А. А. Потепня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II. Харьков, 1888, стр. 8—9.

³³ Ср.: В. М. Богуславский. Слово и понятие. В сб.: Мышление и язык, М., 1957, стр. 244 и Л. С. Резников. Понятие и слово. Л., 1958, стр. 84—85.

мальное понятие, оно вместе с тем выделяет и его содержательный аналог, так как их объем одинаков. Но если в одном случае оно вызывает в сознании все общие черты и признаки предмета, исчерпывающие содержание понятия, то в другом случае содержание понятия только предполагается, но мысленно не воспроизводится. Чтобы воспроизвести то, что скрывается в глубине за формальным понятием, одного слова уже недостаточно. Для этого нужен теперь ряд слов, предложение, вереница предложений, определенным образом организованный, тематически единый контекст.

Как мы видели выше, формальное понятие может быть выражено двояким путем: с помощью единого слова и посредством «внутреннего перевода». Содержательное понятие не может быть выражено подобным образом. Если под «выражением» понимать воспроизведение содержания, то слово в данном случае не выражает понятие, а называет его. Слова так же относятся к содержательным понятиям, как библиотечная картотека — к содержанию зарегистрированных в ней книг.

Единственный способ выразить такое понятие — это развернуть его в словесный текст. Такое развертывание не является больше «внутренним переводом», преследующим учебные и внутрилингвистические цели. Оно отражает теперь глубинные процессы в «механизме» мышления. Словесная экспликация понятия это теперь могущественное средство актуализации элементов индивидуального опыта и знания, их «переброски» из «второго эшелона» на «передний край» сознания.

4. Значение слова и предмет

Функция слова в речи зависит не только от глубины содержания понятия, но также от его отношения к обозначаемому им предмету.

В акте называния слово актуализируется и обозначает конкретный предмет, который либо выделяется данным словом, либо характеризуется им. Одно и то же слово может, смотря по обстоятельствам, выступать то в функции выделения (именования) предмета, то в функции характеристики (последнюю иногда называют пред-

кацией, но предикацией лучше называть синтаксическую функцию, возникающую в предложении, как особую разновидность характеристики). Когда я подхожу к окну и вижу падающие струйки воды, пузыри на лужах, раскрытые зонтики прохожих и т. д. и говорю: «*Дождь!*», то этим словом я выделяю определенное явление. Другое дело, когда дождя еще нет и, указывая на надвигающуюся темную тучу, я говорю: «*Дождь!*». В приложении к туче это слово обозначает, что туча — дождевая и несет с собою дождь. В последнем случае слово не именуется предметом, а характеризует его.

Функции выделения (именования) и характеристики предмета различались уже древне-индийскими, китайскими и греческими мыслителями. Пока эти функции не были разграничены, неокрепшая философская мысль не могла освоиться с сущностью предложения. Затруднения, возникавшие при этом, отчетливо видны в рассуждениях мегарской школы. О каждом предмете, говорили мегарики, можно высказать лишь то, чем он является: о лошади — что это «лошадь», о беге — что это «бег». Как же можно сказать о лошади, что она бежит, коль скоро понятия «лошадности» и «бега» не совпадают? А если эти понятия совпадают, то как можем мы приписывать «бег» не только лошади, но также льву и собаке? И общий вывод: «называть данный предмет можно только одним, единственным, ему присущим именем» (догма Антисфена).³⁴

Аналогичные рассуждения можно встретить и в китайской философии. Так, Гунсунь Лун утверждал, что белая лошадь — это не лошадь.³⁵

Выход из затруднений был найден с разграничением функций именованья и характеристики (предикации). Возражая Антисфену, Аристотель обращал внимание на то, что, говоря *человек слепой*, мы вовсе не утверждаем, что человек и слепота одно и то же. Слово *слепота* выражает некую сущность, тогда как слово *слепой* устанавли-

³⁴ E. Hoffmann. Die Sprache und die archaische Logik, — Heidelberg Abhandlungen für Philosophie, 3. Tübingen, 1925, стр. 45—46.

³⁵ P. Masson-Oursel. La philosophie comparée. Paris, 1923. стр. 112.

вает связь одного понятия с другим.³⁶ «Всякую вещь, — говорит он в другом месте, — можно обозначать не только специальным высказыванием о ней, но и высказыванием, связанным (основным образом) с другой вещью». Так, например, *восемь* может быть обозначено «как двойное, через высказывание (непосредственно) относящееся к двум».³⁷

Именованье — это «прямое», или, как говорит Аристотель, «специальное», «непосредственное» обозначение вещи с помощью имени собственного или указания на класс, которому данная вещь принадлежит. Характеристика же — это косвенное обозначение вещи с помощью слова, непосредственно обозначающего другой класс предметов. Возможность двоякого обозначения вещи основана на сложных взаимосвязях понятий, пересекающих друг друга в разных направлениях и, в конечном счете, на сложных связях и опосредованиях реальных вещей.

В функции именования слово получает экстенсионное применение. Обозначая конкретный предмет, оно уточняет понятие относительно его объема. Мысль обнаруживает в данном случае центростремительную направленность: отталкиваясь от всех посторонних предметов, она выделяет необходимый класс и в пределах данного класса — определенный предмет. В функции характеристики слово используется интензионно; оно ориентировано на содержание понятия, выделяя в нем определенные стороны. Движение мысли в данном случае центробежно: вычлняя в предмете определенные стороны, мысль соотносит данный предмет с другим классом предметов.

Роль именования чаще всего берут на себя имена существительные, а роль предикации — прилагательные, глаголы, наречия. Но, как показывают приведенные выше примеры, в функции характеристики могут выступить и имена существительные. В последнем случае они обозначают уже не предмет как таковой, а свойство, одну из сторон предмета. В индоевропейских и близких к ним

³⁶ Н. Steinhil. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, стр. 214.

³⁷ Аристотель. Метафизика. Перевод А. В. Кубицкого. М., 1934, стр. 105.

языках свойства (в широком смысле слова) получают двойное обозначение, субстантивное и несубстантивное. Ср., с одной стороны, *белизна, доброта, бег, чтение* и, с другой стороны, *белый, добрый, бежит, читает*. Обозначение одного и того же свойства принимает здесь различную форму в зависимости от того, используется ли данное слово в функции именованя или характеристики. Разграничение функций явилось в этих языках предпосылкой (точнее, одной из предпосылок) размежевания частей речи.

Функции именованя и характеристики помогают перебросить мост от слова к предложению. Для образования предложения нужны по меньшей мере два слова, из которых одно выступает в функции именованя, а другое — в функции характеристики. Сочетаясь в единое целое, они превращаются в члены предложения. Первый из членов предложения как бы обводит предмет линией, последовательно вычлняя определенный класс предметов и определенный предмет в пределах данного класса. Второй член предложения расчленяет затем содержание этого предмета, выделяя из него отдельную сторону. «Ход человеческой мысли, — писал Потеня, — состоит из парных толчков: объясняемого и объясняющего, подлежащего и сказуемого».³⁸ Актуализация слов в предложении и их функционирование в качестве членов предложения является, таким образом, следствием функций, которые развиваются сперва в отдельных актах называния.

5. Генезис элементарных понятийных структур

Определяя понятийное ядро в составе лексического значения, мы ранее сопоставляли это ядро с формальным понятием. За формальным понятием, говорили мы, может в слове скрываться содержательное понятие, которое словом непосредственно не выражено. Следует, однако, заметить, что присутствие содержательного понятия в слове отмечается далеко не всегда. Во многих случаях наше знание о предмете исчерпывается формальным понятием

³⁸ А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, ч. III. Харьков, 1889, стр. 642.

о нем, т. е. знанием соответствующего слова и его значения. Что, например, знает обычно неспециалист об астероидах или о револьверных станках? В жизни каждого из нас было время, когда знание всех предметов, еще неглубокое, в целом не выходило за пределы формальных понятий о них. Применительно к тому времени правильное будет говорить уже не о формальных, а об элементарных содержательных понятиях. Больше того, известно, что и такие элементарные содержательные понятия отнюдь не являются начальной ступенью в развитии значений и их структуры.

Психологические исследования в области детской речи и мысли представляют огромный интерес для лингвиста, поскольку они проливают свет на генезис понятийных структур и позволяют сделать некоторые, пусть самые общие и обрывочные, выводы об общественно-историческом процессе формирования лексики.

Процесс овладения словами родной речи в детстве нередко изображают как чисто количественный процесс накопления слов, каждое из которых усваивается по методу проб и ошибок. Ребенку показывают бутылку с молоком и произносят: «Молоко». Вначале ребенок может связывать с этим словом бутылку, и всякую бутылку, даже всякий стеклянный сосуд, называет молоком. По прошествии некоторого времени ошибка исправляется, но теперь ребенок называет молоком не только молоко, но и чай, фруктовый сок и т. д. Ошибка вновь и вновь исправляется, пока употребление слова не войдет в правильные границы.

Слоупотребление ребенка действительно во многом отклоняется от языкового узуса. Исследователями детской речи давно уже отмечен специфический полисемантизм, свойственный детской речи. Нередко основой для обобщения предметов оказываются субъективные переживания. Так, один ребенок, по свидетельству Г. Л. Розенгарт-Пупко, называл словом *амá* (*сломал*) всевозможные неприятности: сломанную игрушку, дырку на штанишках, синяк. В других случаях обобщение ребенка основано на объективных, но в целом случайных и малосущественных признаках. Слово *пи* (*пить*) вперемежку с *гаш* (*чашка*) употреблялось ребенком для обозначения чашки, чайника,

блюдечка, иногда их содержимого, например чая, а также действия — пить. Основания, по которым производится обобщение, часто колеблются и последовательно не выдерживаются. Словом *gagá*, например, ребенок обозначал разные игрушки — желтую утку и желтый чайник, потому что они одного и того же цвета; но тем же словом он обозначал и игрушечного зайца, потому что он такой же маленький, как утка; зайца побольше размером он называл *zaj*.³⁹

В раннем возрасте не различаются еще часть и целое. Слово *итик* (*листик*) в устах одного ребенка означало как лист, так и цветок.⁴⁰ Еще в каких-то случаях ребенок поступает как истый операционалист, называя слово по вызываемому им действию. Все игрушки, имевшие выступ наподобие птичьего клюва, за который их можно было хватать, обозначались словом *коко*, сопровождаемым характерным жестом хватания.⁴¹

Речь ребенка развивается под непрерывным воздействием и контролем взрослых, вносящих в нее постоянные коррективы. Но это ни в коей мере не означает, что развитие детской речи носит пассивный характер механического процесса отработки условно-рефлекторных навыков. Ребенок по-своему распоряжается получаемым им от взрослых материалом, придает словам новые значения, пользуется различными словами как синонимами и т. д. Чтобы легче примирить речь ребенка с языковым узусом, исследователи нередко говорят о склонности ребенка к метафорам, переносным значениям. Но механизм метафорического употребления слов на ранней стадии развития еще не выработан. Слово на этом этапе «не может употребляться в метафорическом значении, потому что оно не закреплено еще в своем прямом значении».⁴²

Углубленный анализ детского мышления и речи привел в последние десятилетия исследователей к выводу, что

³⁹ Г. Л. Розенгарт-Пупко. Формирование речи у детей раннего возраста. М., 1963, стр. 66.

⁴⁰ А. Р. Лурия и Ф. Я. Юдович. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М., 1956, стр. 33.

⁴¹ Г. Л. Розенгарт-Пупко. Речь и развитие восприятия ребенка в раннем возрасте. М., 1948, стр. 81.

⁴² С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 329.

перед нами здесь проблема качественного, а не чисто количественного порядка. Ум и речь ребенка проходят в своем развитии ряд ступеней от «предпонятий» дошкольного возраста к понятиям складывающейся в школьном возрасте речи, или, точнее, от родовых понятий к понятиям родовым. В этом плане основополагающее значение имеют работы Ж. Пиаже⁴³ и Л. С. Выготского.⁴⁴ Мы не имеем здесь возможности входить в детали этих исследований. Развитие психологической науки внесло ряд существенных коррективов в первоначальные концепции и, в частности, устранило неправильную трактовку эгоцентризма детской речи, выдвинутую Ж. Пиаже. Но важнейшие результаты этих работ подтверждены дальнейшими изысканиями.

Приведем здесь генетическую классификацию семантических структур, предложенную Л. С. Выготским. В развитии детской речи он выделяет три основных стадии, из которых первую образует стадия синкретических понятий.

Для первой стадии характерно «образование неоформленного и неупорядоченного множества, выделение кучи каких-либо предметов», без достаточного объективного основания. Значения слов на этой стадии отличаются синкретизмом, они представляют собой «неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов» и отражают неустойчивость детского восприятия и действия.

На следующей ступени формируется «мышление в комплексах», представляющее значительный прогресс сравнительно с диффузностью синкретического мышления. Теперь вещи объединяются в мышлении «не на основании субъективных связей, устанавливаемых во впечатлении ребенка, но на основании объективных связей, действительно существующих между этими предметами». Характерные для данной стадии понятия-комплексы лежат, однако, еще «не в плане абстрактно-логического,

⁴³ Ж. Пиаже. Речь и мышление ребенка. М., 1932; J. Piaget. 1) La naissance de l'intelligence chez l'enfant. Neuchâtel—Paris, 1935; 2) La construction du réel chez l'enfant. Neuchâtel, 1937; Ж. Пиаже и Б. Инельдер. Генезис элементарных логических структур. М., 1963.

⁴⁴ Л. С. Выготский. Мышление и речь. М.—Л., 1934.

а в плане конкретно-фактического мышления». Любое конкретное отношение, открываемое ребенком, любая внешняя связь, даже случайная, может явиться теперь основой для обобщения.

Только на третьей ступени формируются понятия, отличающиеся от образных «комплексов» единством лежащего в их основе типа связи, единообразием предметных отношений. Все элементы целого связаны теперь с целым однотипной связью. Отношение общего к частному и схватывание частного через общее являются теперь доминирующими отношениями в понятии, которое становится «родовым» и замещает понятия предшествующего возраста.⁴⁵

Синкретические слова первого периода, соединяющие в своем содержании образы различных предметов и сливающие их в слитное нерасчлененное целое, насыщены аффективными элементами, и недостаток объективных связей восполняется в них субъективными связями. Они не лишены объективной значимости, но отраженная в них реальность ограничена рамками чувственной ситуации, элементы которой даны в непосредственном отношении к ребенку. Слова-синкреты в высшей степени ситуативны, их значение зависит от непосредственного окружения и становится понятным только в связи с последним.

В ходе дальнейшего развития речь ребенка постепенно перестает быть зависимой от чувственной ситуации. Рост объективности понятий и овладение грамматическими средствами ведут к усложнению форм речевого общения. Ограниченная на первых порах формой диалогического разговора, речь ребенка перерастает теперь в более сложные речевые построения (описания, объяснения, рассказ), предназначенные для постороннего слушателя и понятные ему.⁴⁶

Процесс развития детской речи и мысли не может быть, разумеется, отождествлен с общественно-историческим процессом развития мышления и формирования отдельных языков. Условия и факторы развития в онто-

⁴⁵ Там же, стр. 119—139.

⁴⁶ С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, стр. 361—362.

генезе и филогенезе совершенно различны, как различно конкретное содержание самих процессов. И все же в самых общих линиях, в основных закономерностях развития структуры понятий и последовательности выявляемых исследованием этапов речь ребенка, надо думать, воспроизводит филогенетическую схему. Вопросы стадийного развития мышления в связи с языком некогда привлекали к себе внимание советских лингвистов. Но дух поверхностного традиционализма и догматической ограниченности, усердно насаждавшийся ревнителями «сталинского учения о языке», надолго исключил возможность подобных исследований.

Установленная психологией смена качественно различных этапов в развитии мышления и речи наводит на мысль, что формальные понятия, как мы их определили выше, являются относительно поздним историческим достижением. Формальные понятия это, в сущности говоря, родовые понятия, основанные на разграничении индивида и рода, субстанции и свойства. Формальными такие понятия становятся не сразу; родовые понятия возникают как понятия содержательного знания о вещах и остаются ими до тех пор, пока дальнейший рост познавательной способности людей, обусловленный усложнением форм общественной практики, не приводит к накоплению знаний, выходящих за пределы таких понятий.

Если раньше, до выработки родовых понятий, всякое расширение знаний вело к существенной перестройке логической структуры значения, то теперь соотношение содержания понятия и значения слова существенным образом меняется. Выражаемое словом родовое понятие имеет вполне определенный, объективно установленный объем, и пока этот объем остается неизменным, обогащение содержания не вызывает ломки значения.

Зная, что такое вода, человек может теперь узнать, что вода бывает в разных агрегатных состояниях, что наибольшей плотности она достигает при 4.1° по Цельсию, что масса литра такой воды = 1 кг, что в химическом отношении вода есть соединение водорода и кислорода и т. д., и т. д., — на значении слова *вода* все это не отражается. В сознании устанавливаются новые

связи между понятиями о воде, тумане, паре и т. д., закрепляются соответствующие элементы физических и химических знаний и названия для новых понятий, но слово *вода* удерживается в старом значении. Собственно, только теперь значение слова и связанное с ним родовое понятие становятся формальными. Отграничиваемая значением часть содержания понятия приобретает теперь вторичную функцию замещения содержательного понятия. Слово в потоке речи может теперь заменять «многосложное простым», вызывать в уме понятие, не обращаясь при этом ко всем подробностям его содержания.

6. Критика антименталистических теорий значения

Рассмотрим теперь вкратце доводы тех, кто отвергает лексические значения и требует замены их чем-то другим либо полного устранения.

Нападки на лексическое значение ведутся, в основном, с позиций: 1) «предметной отнесенности слова» и «референта», 2) бихевиоризма, 3) соссюрровской «значимости» и 4) неогумбольдтианства.

Разбор последних двух точек зрения будет дан в последующих главах. Теперь же кратко рассмотрим первые две концепции.

Радикальная критика значений требует их полного удаления — в интересах «большой объективности» исследования и «строгости метода». Такое обоснование способно вызвать лишь удивление, так как подмена объекта его упрощенным и выхолощенным вариантом вряд ли может соответствовать целям установления истины в науке. Б. Рассел остроумно высмеял философский антиментализм, сравнив его с мальчиком, предпочитавшим иметь дело с часами только тогда, когда маятник с них снят. Такие часы не показывают уже, правда, времени, но зато они ходят легко и в более веселом темпе.⁴⁷ Лингвистический антиментализм в этом отношении несколько не лучше философского.

⁴⁷ См. Введение к кн.: Э. Геллнер. Слова и вещи. М., 1962, стр. 28.

Так как значение слова предметно и слово всегда обозначает какой-то предмет, то «уточнение» понятия о значении нередко принимает форму замены значения предметом. Стоит только сказать, что «значение это соотносительность слова с предметом», как из трех членов отношения — слова (точнее, звукового комплекса, или звукоряда), значения и предмета — останутся только два — слово и предмет, — а значение незаметно испарится.⁴⁸

Акробатический трюк с «предметом» основан на том, что слово «предмет» берется в расплывчатом и затуманенном смысле. О каком предмете идет здесь речь? Слово соотносено с предметом как в языковой системе, так и в речи, но в каждой из этих сфер оно соотносено с ним по-разному и соотносено не непосредственно, а через значение-понятие. В плане «языка» (языковой системы) «предмет» — это безграничное множество предметов данного класса, отраженное в общем понятии о предмете. В конкретном речевом плане — это уже не предмет «вообще», а вполне определенный предмет, находящийся там-то в такое-то время. Понятие, отражающее такой предмет, выступает на этот раз в актуализированном виде, оно ограничено относительно объема и конкретизировано в своем содержании. Но многозначность слова «предмет» этим еще не исчерпывается. В предложении *Лошадь бежит* оба слова соотносены с одним и тем же предметом, т. е. лошадью, но первое из них соотносено с ним непосредственно, через понятие о данном предмете, а второе косвенно, через понятие о другом предмете (беге) (см. стр. 26). Что же реально имеют в виду, те, кто приравнивает значение к предметной соотносительности? Не ясно ли, что слово «предмет» затемнено в их утверждениях до полной беспредметности?

Но помимо собственно лингвистической направленности «предметная соотносительность» обнаруживает иногда еще и философскую направленность. Как эквивалент модного в англо-американской философии языка термина «*referense*», она несет в себе отголоски субъек-

⁴⁸ Интересные критические замечания по адресу «теории предметной соотносительности» читатель найдет в упоминавшейся уже книге Л. О. Резникова «Гносеологические вопросы семиотики» (стр. 50 и сл.).

тивизма берклеанско-юмистского толка. «Предмет», с которым соотносят слово теперь, это «референт», т. е. тот «объект опыта», или «комплекс ощущений», с которого будто бы начинается всякое восхождение по «лестнице абстракции».⁴⁹

Что «предметная соотнесенность» используется в семасиологии не только для истолкования природы значения, но и как средство обойтись без помощи всяких «понятий», показывает пример семасиологического исследования Лайзи. Ключ к проблеме значения Лайзи находит в начальном опыте ребенка и «наглядном определении», с помощью которого усваиваются первые слова. «Наглядное определение» устанавливает, по его мнению, «однозначное отношение между звуковым комплексом (Lautkörper) и определенным внеязыковым условием». Превратив, таким образом, соотнесенность слова с предметом в соотнесенность слова с «внеязыковым условием», Лайзи считает, что он достиг уже цели. Такая интерпретация, говорит он, «может показаться тривиальной, но она дает нам возможность строго сформулировать соотношение слова и вещи, минуя всякие психологические или философские термины наподобие «понятия», «представления» или «мысли».⁵⁰ Открытый Лайзи метод усовершенствования семасиологии необычайно прост. Подобно тому, как ребенок усваивает значения и понятия, не догадываясь о их существовании, точно так же и семасиолог может пользоваться ими имплицитно, обращаясь только к «вещам» как «внеязыковым условиям» употребления слов. Если несмотря на все это, Лайзи добивается ощутимых результатов в конкретном анализе материала, то только благодаря тому обстоятельству, что «условия» и «вещи» незамедлительно принимают на себя функцию табуированных психологических терминов.

Бихевиористская теория значения, как и теория «соотнесенности», также заменяет значение «предметом» — с той лишь разницей, что на этот раз весь ход рассуждений получает ярко выраженную рефлексологическую ок-

⁴⁹ А. С. Богомолов. *Англо-американская буржуазная философия эпохи империализма*. М., 1964, стр. 343.

⁵⁰ E. Leisi. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. Heidelberg, 1961, стр. 19.

раску. В языкознании бихевиористскую теорию значения пытался обосновать Л. Блумфилд, взгляды которого определили обостренный антиментализм дескриптивного направления в американской лингвистике.⁵¹

Язык, по Блумфилду, это прежде всего «речевые акты», или «речевое поведение». Простейшей теоретической моделью такого поведения является чувственная ситуация, вызывающая произношение того или иного слова. Яблоко на дереве вызывает у девушки реакцию в виде слова «Яблоко!». Это слово, в свою очередь, оказывается стимулом для юноши, который срывает яблоко с дерева и отдает его девушке. Речевое поведение раскрывается, таким образом, как цепь рефлекторных актов, в которых словесная реакция на стимул превращается в стимул для последующей реакции.⁵²

При всей своей наглядности и простоте теоретическая модель Блумфилда сразу же порождает ряд недоуменных вопросов. Неясно, например, почему девушка, завидев яблоко, сразу же инстинктивно не потянулась к нему. Почему, далее, подавив инстинкт, она не указала на яблоко рукой или взглядом? Как появился вдруг возглас, немедленно понятый юношей? Этот возглас — не инстинктивный крик, а слово, к тому же не ситуативно, вроде *эй* или *это*, а назывное, сохраняющее смысл и вне чувственной ситуации. Откуда взялись вдруг назывные слова, которые, как и мысль, не имеют, по выражению Герцена, «замкнутой, непреходимой определенности там или тут» и для которых «нет *alibi*»?⁵³

Л. Блумфилд справедливо исходит из речевой ситуации как простейшей «клеточки» речи. Но как зарождаются в такой ситуации слова? Каковы биологические и социальные предпосылки возникновения «механизма» мышления и речи? Каково было значение первых слов и как ситуативная поначалу речь постепенно переросла в надситуативную связную речь? На все такие вопросы Л. Блумфилд ответа не дает. Он явно не чувствует всей

⁵¹ Ср.: М. М. Гухман. Лингвистический механизм Л. Блумфилда и дескриптивная лингвистика. Тр. Инст. языкознания АН СССР, IV, М., 1954, стр. 114 и сл.

⁵² L. Bloomfield. Language. New York, 1933, стр. 22—27. (Рус. пер.: Блумфилд Л. Язык. М.: КД «Либроком»/URSS, 2010.)

⁵³ А. И. Герцен, Собр. соч., т. 13, М., 1954, стр. 126.

глубины поднятой им проблемы. Ограничивая круг проблемы онтогенезом, он сводит ее к приобретению рефлексивных навыков в детстве: «Все члены языковой общности с детства приучаются употреблять определенную речевую форму всякий раз, когда ситуация (в данном случае объект) представляет некоторые относительно определенные характеристики».⁵⁴ Но, как было показано выше, процесс освоения речи ребенком не укладывается в рамки такой упрощенной интерпретации.

Ситуация, к которой приравнивается «объект», автоматически вызывает, по Блумфилду, употребление определенного слова. Но сама по себе чувственная ситуация далеко не однозначна. Одна и та же ситуация может быть по-разному осмыслена. Она может получить различную «заостренность», в ней может оказаться множество «центров интереса».

Убедительный пример «многофокусности» речевой ситуации можно найти у Н. Н. Миклухо-Маклая. При изучении папуасских языков он на первых порах, естественно, прибегал к указаниям и подражательным жестам, но этот метод нередко приводил к неудачам. «Один и тот же предмет, — писал он, — назывался различными лицами различно, и я часто по неделям не знал, какое выражение правильно. Сообщу здесь пример того, что со мною частенько случалось. Я взял однажды лист в надежде узнать название листа вообще. Туземец сказал мне слово, которое я записал; другой папуас, которому я предложил тот же вопрос и показал тот же лист, сказал другое название; третий, в свою очередь, — третье, четвертый и пятый называли предмет опять другими и различными словами. Все названия записывались, но какое было настоящее название листа? Постепенно я узнал, что сказанное сперва слово было названием растения, которому принадлежал лист; второе название означало „зеленый“, третье „грязь“, „негодное“, потому ли, что я, быть может, поднял лист с земли, или потому, что лист был взят с растения, которое папуасы ни на что не употребляют. Так случалось со многими, очень многими словами».⁵⁵

⁵⁴ L. Bloomfield. Language, стр. 140—141.

⁵⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I. М.—Л., 1940, стр. 240—242.

Выделение предмета с помощью имени всегда является следствием избирательной деятельности интеллекта и по самой своей сути не может отождествляться с механической реакцией субъекта на внешний стимул. Сам Блумфилд, впрочем, готов признать, что в роли стимула выступает не вся ситуация в ее абсолютной безраздельности, а только ее «дистинктивные признаки», входящие в состав «лингвистического значения».⁵⁶ Но в том то и дело, что выделение дистинктивных признаков совершается каждый раз по-разному и зависит оно не только от ситуации, но также от субъекта, его состояния, умственной зрелости, степени понимания им обстановки и т. д.

Блумфилд прекрасно знает, конечно, что слова употребляются не только тогда, когда обозначаемый ими предмет дан в чувственном восприятии. Чтобы теоретически обосновать возможность такого употребления, он вводит понятие «смещенной речи». Сам процесс «смещения», т. е. условия и внутренний «механизм» перехода от ситуативной к связной речи, остается при этом нераскрытым. Отмечается лишь, что внешние стимулы замещаются теперь «некоторыми смутными внутренними (телесными) стимулами».⁵⁷

Признание «внутренних стимулов» можно было бы расценить как вынужденную уступку ментализму, но указание на их «телесность» и «смутность» призвано ослабить впечатление от такого признания. Речь идет о вульгарно-материалистической трактовке мышления как следствии простого перемещения «внешних элементов» во «внутренний мир» человека, их «интериоризации». В такой трактовке, как и в логических и психологических теориях «интериоризации действия», нельзя не видеть попытки освободиться от мышления, редуцировать его до минимума и представить дело так, будто мышление не отражает внешний объект, а непосредственно тождественно с ним.⁵⁸

⁵⁶ L. Bloomfield. Language, стр. 141.

⁵⁷ Там же, стр. 143.

⁵⁸ С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 52.

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЛОВА, ЗНАЧЕНИЕ И ЗНАЧИМОСТЬ

1. За и против полисемии

До сих пор о слове и его значении мы говорили так, как если бы слово имело всегда одно, и только одно значение. Между тем практика составления словарей давно уже установила факт многозначности (полисемии). Смысловое содержание слова относительно редко исчерпывается одним значением: в большинстве случаев оно раскрывается как совокупность ряда значений.

Разграничение отдельных семантических элементов в составе слова должно было бы по идее совпадать в разных словарях. На деле, однако, мы встречаем значительный разноречивый в определении их количества и репертуара. Объясняется этот разноречивый не столько различиями в объеме и задачах словарей, сколько несовершенством метода и трудностью стоящей перед лексикографом задачи.

Трудности начинаются уже при попытке определить границу между полисемией и омонимией. Различные словари проводят эту границу по-разному. Так, *дельта* — I. устье реки с многими рукавами и протоками и II. буква греческого алфавита — в словаре Ушакова дана как одно слово с двумя значениями, в четырехтомном же академическом «Словаре русского языка» (в дальнейшем: МАС, т. е. Малый академический словарь) — как два омонима.

Лексикографы превосходно знают, что индивидуальное употребление слова и возникающий в этом случае новый оттенок значения не следует смешивать с обычным использованием слова в языке. Но отличить один тип

словоупотребления от другого не всегда легко, и в словарях мы находим много спорных примеров. Так, в содержании прилагательного *живой* словарь Ушакова выделяет значение «живительный, оживляющий», иллюстрируемое цитатой из Лермонтова: *Твоя слеза на труп безгласный живой росой не упадет*. Цитата явно не убеждает. В таком употреблении легче увидеть поэтический эпитет, навеянный реминисценциями сказочной живой воды. В том же слове МАС выделяет значение «движущийся, обладающий подвижностью» со ссылкой на Горького: *Море — все в живых белых пятнах, словно бесчисленные стаи птиц опустились на его синюю равнину*.⁵⁹ И в этом случае текст наводит скорее на мысль о поэтической метафоре, чем о дополнительном узуальном значении.

Составители словарей знают, конечно, что слово может быть употреблено в функции характеристики (см. стр. 26) и что такое употребление не придает ему нового значения. Тем не менее словари нередко регистрируют случаи такого употребления в ряду номинативных значений. Так, словарь Ушакова находит в слове *баня* значение «жара, парный разгоряченный воздух» (*Какая у вас баня!*),⁶⁰ а МАС в слове *ёрш* — значение «торчащие кверху волосы на голове», подтверждаемое цитатой: *Дудин взволнованно вдруг провел рукой по непокорному ершу волос*. Уже само по себе сочетание «ерш волос» указывает на неправомочность такого выделения. Справедливости ради заметим, что, хотя МАС выделяет это значение под особым номером в ряду других значений, тем не менее формулировка этого значения («о торчащих кверху волосах на

⁵⁹ Ср. еще: Л. С. Ковтун. О построении словарной статьи. Лексикографический сборник, I, М., 1957, стр. 69.

⁶⁰ См.: В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. *Вопр. яз.*, 1953, № 5, стр. 10. Акад. В. В. Виноградов возражает против вычленения отгетка «жара, парный разгоряченный воздух» в самостоятельное значение на том основании, что это «лишь метафорическое применение основного значения слова баня». Но ведь такое применение не индивидуально и метафоричность значения отнюдь не поэтическая. Если, тем не менее, выделение значения на равных правах с основным действительно неоправдано, то лишь потому, что перед нами здесь не номинативное образование, а применение основного значения в функции характеристики.

голове») своим «о» показывает, что перед нами здесь не самостоятельное значение, а особый случай обозначения.

Среди подстерегающих лексикографа опасностей имеются и такие, как расщепление единого недифференцированного значения на ряд «отдельных» значений и, наоборот, необоснованное объединение разных значений в одно. Ср., например, нем. *Splitter*, в котором Немецко-русский словарь под ред. В. В. Рудаша (3-е изд., М., 1947) выделяет два значения — «осколок» и «заноза», хотя немецкое слово имеет, вообще говоря, лишь одно значение — «осколок, отколовшаяся часть твердого тела (дерева, металла, стекла и т. п.)»; значение «заноза» возникает лишь при переводе на русский язык. Ср. русск. *осколок*, которое во фразе *Осколок мины застрял у него в ноге* приобретает значение, близкое к слову *заноза*, но все же не выделяемое нами как самостоятельное. Русск. *заноза* включает в себе оттенок произвольного саморанения, отсутствующий в немецком слове. Интересный пример неправомерного вычленения значений приводит А. И. Исаченко. Толковые словари выделяют в русск. *дядя* два таких значения, как «брат отца или матери» и «муж тетки». Эти значения, указывает Исаченко, могут быть объединены в одно: «член семьи, относящийся к поколению родителей, но не являющийся прямым родственником по восходящей линии».⁶¹ Лучше было бы только в этом случае сказать не «член семьи», а «близкий родственник», так как в понятие семьи входит, кроме признака близкого родства, еще и признак совместной жизни, что для дяди необязательно. *Дядя* в отмеченном значении — это, следовательно, близкий не прямой родственник из поколения родителей, без различия отношений родства и свойства. К числу примеров обратного рода принадлежит истолкование глагола *уложить* в словаре Ушакова: «уложить, придать кому-нибудь лежащее положение». Как верно отметила Н. И. Фельдман, такое определение стирает разницу между *уложить* и *положить* и мешает разграничить два значения глагола *уложить*: «бережно и удобно поло-

⁶¹ А. И. Исаченко. О грамматическом значении. Вопр. яз., 1961, № 1, стр. 32—33.

жить кого-либо» и «положить кого-нибудь на длительный срок». ⁶²

Различая свободные и фразеологически связанные значения, лексикографы знают, что устойчивых и раз навсегда очерченных границ нет и здесь. В словарях мы находим поэтому множество спорных толкований, а иногда и явные промахи. Вряд ли, например, в числе значений слова *молния* можно выделить оттенок «блеск глаз как проявление сильного чувства (волнения, гнева и т. п.)», как это делает МАС. Приведенная в подкрепление фраза *В глазах его сверкнула молния* мало доказательна, так как *молния* здесь тесно связана с глаголом *сверкать*, который, в свою очередь, связан с *глазами*, *взорами*, *взглядами* (см. в словаре Ушакова и в МАС под словом *сверкать*). По-видимому, мы имеем здесь дело с своеобразным, варьирующимся в известных пределах, фразеологическим выражением.

Несмотря на все трудности разграничения и вычленения значений, лексикограф не сомневается в существовании полисемии и правомерности стоящей перед ним задачи ее описания. Господствующую в лексикографии точку зрения хорошо выразил Л. В. Щерба. Возражая против «своего рода словарного агностицизма», вырастающего на почве трудностей отыскания отдельных значений и «оттенков», он писал: «Трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого. Словарь все же является не простым, хотя бы и полным, собранием примеров на отдельные фонетические слова, а собранием сгруппированных под отдельными словами общих понятий, под которые подводятся в данном языке единичные явления действительности. Поэтому в словаре под каждым фонетическим словом обязательно должен быть дан исчерпывающий и точный перечень понятий, с ним соединенных». ⁶³

Но если в практической работе по составлению словаря проблемой является не полисемия как таковая, а ме-

⁶² Н. И. Ф е л ь д м а н. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. Лексикографический сборник, I, М., 1957, стр. 12.

⁶³ Л. В. Щ е р б а. Опыт общей теории лексикографии. Избранные работы по лексикографии и фонетике, т. I, Л., 1958, стр. 70.

тоды строгого и точного ее выявления, то, как только мы переходим в область теоретического осмысления эмпирии, положение дел становится в корне иным. Теперь сама полисемия становится проблематичной. Более того, с последовательной логической точки зрения она отвергается. Разница между эмпирической и теоретической точками зрения разительна. Сам Щерба, переходя к проблеме значения, готов изменить эмпирической установке. «Неправильно думать, — заявляет он теперь, — что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеет всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений... Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях».⁶⁴ Правда, тут же он спешит оговориться: «Само собой разумеется, что слова-понятия, выражаемые одним фонетическим комплексом, в большинстве случаев (кроме так называемых омонимов) образуют более или менее сложные системы». Но такая оговорка не меняет сути дела. «Сложные системы» образуют, как известно, значения не только тогда, когда они объединены звуковым комплексом. Решающий шаг к разрыву с эмпирической точкой зрения уже сделан. Он с логической необходимостью вытекает из признания «единства (следовало бы сказать: тождества, — С. К.) формы и содержания» в языке.

Разрыв между эмпирическим и абстрактно-теоретическим подходом к полисемии обозначился в науке давно. Последовательный отход от эмпирии требовал жертв, и исследователи поступались то «формой», то «содержанием» полисемии в зависимости от того, какому из компонентов языкового «единства» они отводили решающую роль. Одни исходили из примата формы и, соответственно, жертвовали богатством конкретных значений, конструируя единое «общее значение» для единой формы. Другие, наоборот, видели в слове прежде всего понятие и, поступаясь единством слова, заменяли полисемию множеством «слов-понятий», т. е. омонимов.

⁶⁴ Там же, стр. 78.

В русском языкознании существование «общих» значений, лексических или грамматических, отстаивали в свое время К. С. Аксаков⁶⁵ и Н. П. Некрасов.⁶⁶ С ними резко полемизировал А. А. Потебня. «„Общее значение слов“, — настаивал он, — как формальное, так и вещественное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может. Языкознание не нуждается в этих „общих“ значениях».⁶⁷ В немецком языкознании идею «общих значений» высказывал Х. Штайнталь.⁶⁸ Против него в защиту самостоятельности отдельных значений многозначного слова выступал Г. Пауль.⁶⁹ В наше время идея «общих значений» нашла себе приверженцев среди некоторых представителей структурализма. Возобновляя традицию Аксакова и Некрасова, эту идею пропагандировал в ряде грамматических исследований Р. О. Якобсон.⁷⁰

Сторонники «общих значений» добиваются восстановления «правила симметрии» путем сведения всех значений слова к одному общему. В большинстве случаев это «сведение» носит декларативный характер, и «проблема метода, позволяющего определить общее значение на основе непосредственных данных»,⁷¹ даже не возникает. В итоге постулируемое единое значение принимает трудно определимые, расплывчатые, фантастические черты. Иногда, впрочем, «общее значение» все же формулируется, и тогда оказывается, что за «общее значение» принимается одно из реальных значений слова, а именно «главное значение».

⁶⁵ К. С. Аксаков, Полн. собр. соч., т. II, Сочинения филологические, ч. 1, М., 1875, стр. 114 и сл.

⁶⁶ Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 106.

⁶⁷ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1888, стр. 33.

⁶⁸ H. Steinthal. Zeitschrift für Völkerpsychologie, I, стр. 426.

⁶⁹ Г. Пауль. Принципы истории языка. Перевод под ред. А. А. Холодовича. М., 1960, стр. 96—97.

⁷⁰ R. Jakobson. 1) Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Tra-vaux du Cercle linguistique de Prague, VI, 1936, стр. 244, 252—253; 2) Морфологические наблюдения над славянским склонением. American Contributions to the IV International Congress of Slavistics. s'Gravenhage, 1958.

⁷¹ Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова. Вопр. яз., 1955, № 3, стр. 73.

Противники «общих значений» считают отдельные значения в составе слова «различными величинами», которые «относятся друг к другу не как общее и существенное к частному и случайному, а как равно частные и равно существенные, предыдущие и последующие».⁷² Многозначное слово в такой интерпретации это ряд независимых слов. Потетьня прямо говорит об этом: «В словарях принято для сбережения времени и места под одним звуковым комплексом перечислять все его значения. Обычай такой необходим, но он не должен порождать мнение, что слово может иметь несколько значений. Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук».⁷³ Значения многозначных слов относятся друг к другу «как предыдущие и последующие», т. е. как основные и производные образования; но в понимании Потетьни это генетическая, т. е. исторически «снятая», связь. Разница между полисемией и омонимией при таком рассмотрении становится исчезающе малой.

Что же представляет собой принцип «единства формы и содержания», из которого исходят все противники полисемии?

Этот принцип, возводимый многими лингвистами в ранг «имманентного закона» языковой структуры, устанавливает прямое количественное соотношение между единицами формального и содержательного плана: одно фонетическое слово — одно значение. У этого принципа имеются и другие наименования. Ф. де Соссюр называет его параллелизмом ряда звуков и ряда идей. Другие лингвисты говорят о принципе «солидарности», «симметрии», «гармонии» и т. д. Во всех без исключения случаях этот принцип влечет за собой теоретическое отрицание полисемии. Но правильнее было бы сказать, что сам этот принцип появился на свет в результате поверхностного понимания явлений полисемии (и синонимии).

Власть «закона тождества» над умами лингвистов столь велика, что многие из них, признавая полисемию,

⁷² А. А. Потетьня. Из записок по русской грамматике, I—II, стр. 34.

⁷³ А. А. Потетьня. Из записок по русской грамматике, IV, М.—Л., 1941, стр. 96.

не решаются отвергнуть самый «закон». Принятый вместе с полисемией враждебный ей принцип заметно смягчается при этом и утрачивает прежнюю категоричность. Из «имманентного закона» он превращается в витающий над языком идеал — желанный, но практически недостижимый. Тоска по такому идеалу, своего рода «романтический вздох», слышится во многих половинчатых рассуждениях, в которых полисемия хотя и признается, но только как чуждое языку и навязанное ему извне, неорганическое явление. Ср., например, замечания О. С. Ахмановой: «Наиболее естественным было бы такое положение, при котором каждой „единице языкового смысла“ соответствовала бы отдельная и строго закрепленная за ней „единица внешней оболочки“. Однако это положение, которое, отвлеченно рассуждая, и могло бы казаться желательным и „удобным“, на самом деле не существует».⁷⁴ Акад. В. В. Виноградов видит в полисемии результат диспропорции между «ограниченными ресурсами» языка, даже самого богатого, и «беспредельной конкретностью опыта»; «язык оказывается вынужденным (рядка моя, — С. К.) разносить бесчисленное множество значений по тем или другим рубрикам основных понятий».⁷⁵ Сходным образом рассуждает и Х. Касарес.⁷⁶ К. Балдингер выводит полисемию из слабости человеческой памяти. Дополнительная «загрузка» лексических средств большим или меньшим «бременем значений» несет с собой «огромное облегчение для памяти».⁷⁷

2. Критика «общих значений»

Обратимся теперь к конкретным методам обоснования и выведения «общих значений».

Слово *свишня* имеет в русском языке следующие значения: I. животное, II. грязный, неопрятный человек,

⁷⁴ О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: КД «Либроком»/URSS, 2009, стр. 108.

⁷⁵ В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1957, стр. 15.

⁷⁶ Х. Касарес. Введение в современную лексикографию, стр. 70.

⁷⁷ K. Baldinger. Die Semasiologie. Versuch eines Überblicks. Deutsche Akad. der Wiss. zu Berlin. Vorträge und Schriften, H. 61, Berlin, 1957, стр. 25.

III. грубый, низменный человек. Вот как интерпретируется смысловое содержание этого слова сторонником «общих» значений: «В слове *свинья* наличествует то понятие, которое сформировалось применительно к животному, и когда мы это слово соотносим с другим классом предметов, называя им человека, то понятие при этом не изменяется. Выражая его словами, мы как бы указываем: этот человек обладает качествами свиньи. Следовательно, в этом случае одно и то же понятие применяется к разным классам предметов, но при перенесении его от одного класса предметов на другой мы подводим их под единое понятие, устанавливаем в них те признаки, которые характеризуют это понятие, наделяем их чертами и признаками этого понятия, смотрим на них со стороны этого понятия и одновременно с этим расширяем и даже качественно изменяем само понятие».⁷⁸

Нельзя не отметить непоследовательность и внутреннюю противоречивость такого толкования. Вопрос поставлен в исторической плоскости: что происходит с содержанием слова, после того как «сформировавшееся применительно к животному понятие» начинает применяться и по отношению к людям? На этот вопрос мы получаем два исключаяющих друг друга ответа: 1) «понятие при этом не изменяется», т. е. слово обозначало раньше свинью, обозначает ее и теперь; нехорошие и подлые люди «подводятся под единое понятие» свиньи; называя их свиньями, мы хотим сказать, что они обладают качествами свиньи; 2) понятие существенно отличается от прежнего, так как оно «применяется в этом случае к разным классам предметов».

Здесь сразу даны два методических приема, с помощью которых «добывается» «общее значение». Один из них состоит в отождествлении его с главным значением. В нашем случае это означает, что, называя нехороших и низких людей свиньями, мы приписываем им все качества свиньи. Другой прием состоит в конструировании нового понятия, охватывающего разные классы предметов, чего-то вроде «человеко-свиней», «наделяемых чертами и признаками» как свиней, так и неопрятных и непорядочных людей.

⁷⁸ В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957, стр. 158.

Оба приема неадекватны, так как с их помощью učinяется произвольная расправа над реальным многообразием значений. Специфика данного примера заключается в том, что два несовместимых метода используются в нем одновременно.

Нам говорят, что, называя человека свиньей, «мы как бы указываем: этот человек обладает качествами свиньи». Словечко «как бы» предостерегает нас против буквального понимания утверждения, но что означают предшествующие этому слова о «неизменности» понятия при соотнесении его с другим классом предметов? Во фразе *Этот человек обладает качествами свиньи* не уточняется, имеются ли в виду все качества свиньи, или только некоторые из них. Если все, то получается нелепое утверждение, будто, обзывая человека свиньей, мы вызываем магическое перевоплощение человека, наделяя его всеми качествами свиньи, в том числе и такими, как парнокопытность, тупорылость, клыкастость, способность хрюкать и т. п. Если же имеются в виду только некоторые качества свиньи, как например нечистоплотность, то понятия остаются разными и, настаивая на их объединении, мы получаем не менее нелепое утверждение, что разнородные понятия свиньи и неряшливого человека могут быть сплавлены в одно «сверхпонятие», некое понятие-монстр, совмещающее в себе признаки свиньи и человека.

Куда ближе к истине старое толкование Г. Пауля, согласно которому в переносном значении этого рода «нет прямого отождествления как в математическом уравнении; этим хотят выразить лишь то, что одна из характерных черт, входящих в понятие „свинья“, входит в состав представления, складывающегося у нас об этом человеке, т. е. чаще всего — нечистоплотность». Такое обозначение «выражает не все свойства свиньи, а только некоторые из них».⁷⁹

В концепции «общих значений» есть еще один слабый пункт, на который обратил внимание Е. Курилович. Это

⁷⁹ Г. Пауль. Принципы истории языка, стр. 102. К критике «общих значений» см. еще: П. А. Соболева. «Применение сопоставительного метода при обучении лексике иностранного языка». Уч. зап. Моск. гос. пед. инст. им. В. И. Ленина, т. ХСIII, вып. 1, 1956, стр. 75—76.

интеграция в одном значении «качественно различных элементов, а именно коммуникативного содержания и аффективных (стилистических) моментов».⁸⁰ Выделенные в составе слова *свинья* значения I, II и III относятся к разным семантическим планам. Только значение «свинья I» имеет концептуальную значимость, тогда как значения II и III существенны не в концептуальном плане, а как элементы репертуара экспрессивно-стилистических средств языка. В концептуальном плане «свинья II» ничего нового не добавляет к словам *неаккуратный, неряшливый, неопрятный, нечистоплотный человек* и *неряха, грязнуля*; равным образом и «свинья III» в концептуальном плане лишь повторяет слова *неблагодарный, непорочный, грязный, низкий, низменный, подлый человек, подлец*. Появление нового элемента в ряду таких слов отвечало не концептуальным, а аффективным потребностям.

Е. Курилович совершенно прав, называя такие образования, как «свинья II и III» «аффективными формами» соответствующих им в концептуальном (Курилович говорит «коммуникативном») отношении стилистически нейтральных синонимов. Растворяя полисемию в едином «сверхзначении», приверженцы «общих значений» уничтожают различие концептуального и экспрессивного планов выражения и одновременно разрывают существующие в языке связи между экспрессивными переносными значениями и их синонимами.

Утонченную попытку обоснования «общих значений» с помощью сосюрковского разграничения «языка» и «речи» предпринял Р. Якобсон. Разграничивая в слове одно «общее» и множество «частных» значений, он относит «общее значение» к сфере «языка», а «частные значения» — к сфере речи. «Частные», т. е. выделяемые в составе многозначного слова отдельные значения, это, в такой интерпретации, «комбинаторные варианты общего значения».⁸¹ Как и позиционные варианты фонем, они возникают в речи под воздействием окружения, в данном случае словесного. «Общее значение» слова устойчиво и не зависит от соседства с другими словами, но, попадая в ре-

⁸⁰ Е. Р. Курилович. Заметки о значении слова. *Вопр. яз.*, 1955, № 3, стр. 78.

⁸¹ R. Jakobson. *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*, стр. 252.

чевой контекст, оно претерпевает определенные изменения и предстает в виде одного из своих «комбинаторных вариантов».

Сам Якобсон развивал свои взгляды применительно к грамматическим фактам. Но с его легкой руки «комбинаторные варианты значений» широко распространились и в семасиологии. Вот пример семантического анализа слова с позиций «комбинаторных вариантов».

Нем. *grün* 'зеленый', по мпепию К. Бальдингера, «реально дано (*ist existent*) только на уровне языка, мы тотчас же связываем с ним представление об определенном цвете; но *grün* может иметь и совершенно специфические значения, которые проясняются только в актуализации, в речи, т. е. на уровне *parole*: *ein grüner Junge* 'неопытный'; *ein grüner Apfel* 'незрелый', и т. д. Эти значения и нюансы, обнаруживающиеся только в актуализации, мы заменяем в словаре, поскольку они „уловимы“, определениями. Но последние не могут, естественно, охватить многообразную и богатую нюансами структуру ассоциативного поля». «Вызываемое изолированным словом представление является, таким образом, лишь схемой, средней величиной, которая в контексте речи получает более точные (но не вполне точные) очертания».⁸²

В высказываниях этого рода верно то, что отдельные значения многозначного слова «проясняются только в актуализации, в речи». Скажем точнее: в речи, как правило, слово актуализирует только одно из своих значений и, следовательно, перестает быть многозначным. Исключением являются лишь случаи нарочитой двусмысленности, допускаемой ради шутки или с целью обмана.⁸³ Но что означает факт «прояснения слова в речи»? Следует ли его понимать в том смысле, что из набора имеющихся в слове «готовых» значений в каждом отдельном акте употребления отбирается и актуализируется только одно, или же допустить, что само по себе слово имеет одно недостаточно ясное значение, — «схему, среднюю величину», «проясняемую» и «уточняемую» в контексте речи? Слова «актуализация» и «прояснение» употребляются Бальдингером

⁸² К. Baldinger. Die Semasiologie, стр. 22.

⁸³ А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, IV, стр. 96; Г. Пауль. Принципы истории языка, стр. 96.

без разбора, как стилистические синонимы. Между тем за каждым из этих слов стоит своя концепция слова и свое особое отношение к полисемии.

Понятие «комбинаторного варианта» предполагает, что, актуализируясь в контексте, слово получает специфическое значение, не присущее ему «на уровне языка». В каком же отношении стоит обнаруживающееся в речи «частное» значение к виртуальному «языковому» значению слова? Ограничены ли «специфические» значения в числе? Четких ответов на эти вопросы мы в пояснениях Бальдингера не найдем. В роли инвариантного «языкового» значения в приведенном примере фигурирует «определенное представление о цвете», т. е. опять-таки основное значение слова, а в роли специфических — производные значения «незрелый», «неопытный» и др. Но правомерно ли рассматривать значение «неопытный» как следствие «уточнения очертаний» представления о цвете? Всякому непредубежденному человеку ясно, что понятия цвета и неопытности лежат в совершенно разных семантических сферах и второе из них не точнее первого. Бальдингер уверяет нас, что выделяемые в контексте «значения и нюансы» не всегда уловимы и что словари «не могут охватить многообразную и богатую нюансами структуру ассоциативного поля». Но что он имеет при этом в виду, остается нераскрытым. Если он имеет в виду количество «специфических» значений в слове, то оно ограничено, и словари определяют их с достаточным приближением. Совсем другое дело — богатство актуализованных в речи значений, бесконечное и неисчерпаемое по самому существу.

Значения «незрелый» и «неопытный» не могут расцениваться как результаты актуализации понятия о цвете. Термин «актуализация» имеет вполне определенный смысл, пренебрегать которым нельзя. Актуализируясь в контексте речи, значение не теряет ни одного из составляющих его признаков. Оно уточняется относительно объема и обогащает свое содержание, добавляя к нему ряд новых черт. Слово *дом* — это теперь уже не дом вообще, а определенный дом, стоящий там-то и там-то. Скрытые в слове параметры теперь конкретизируются. Всякий дом имеет крышу, окна, двери и т. д., но теперь

это дом, покрытый шифером, четырехэтажный, с широкими окнами и стеклянными дверями и т. д. При актуализации действительно имеет место уточнение значения, чего нельзя сказать об отношении производного значения к основному в многозначном слове.

Актуализация значения в контексте достигается грамматическими средствами (как артикль и грамматическое число применительно к существительному, время и вид применительно к глаголу и т. д.), а также присоединением слов, характеризующих данное значение. Актуализация значения данного слова может длиться долго, на протяжении обширного текста. Все это никакого отношения к появлению «специфических» значений в слове не имеет.

Контекст действительно во многих отношениях определяет функционирование многозначного слова, по роль контекста заключается при этом не в образовании «вариантов» общего значения, а в чем-то существенно ином. По отношению к полисемии контекст играет двойную роль — как средство отбора пущего значения и как средство актуализации отобранного значения.

Понятие отбора или селекции приложимо не только к словам в процессе построения речи, но и к значениям внутри многозначного слова, внутри «структуры его значений».⁸⁴ Слово «отбор» или «селекция» не должно создать впечатление, что этот отбор происходит осознанно и что субъект в момент говорения воспроизводит в сознании все значения данного слова; наоборот, в момент речи для говорящего существует только одно значение, именно то, которое «отобрано» в соответствии с общим коммуникативным заданием речи. В отборе значения из состава многозначного слова контекст участвует иначе, чем в актуализации. Если там существенную роль играли те элементы контекста, которые способствуют ограничению объема и обогащению содержания значения, то теперь важны те элементы контекста, которые содержат в себе указание на специфическую семантическую сферу, к которой относится данное значение. Слово *основание*,

⁸⁴ T. C a z a c u. La «structuration» dynamique des significations. Mélanges linguistiques publ. à l'occasion du VIII-e congrès international des linguistes à Oslo, Bucarest, 1957, стр. 114.

например, обнаруживает разные значения в зависимости от того, встретилось ли оно нам в математическом, химическом, логическом или канцелярском контексте. Ср. также: *едкий* в высказывании о веществе или человеке, *резать* в домашней обстановке (о хлебе, бумаге и т. д.) и применительно к хирургической операции. Если актуализация значения может длиться в контексте сколь угодно долго, пока продолжается речь о данном предмете, то отбор значения — это однократный акт, производимый в связи с тематической сферой контекста.

«Работа» контекста по уточнению содержания многозначного слова состоит, следовательно, не в том, что контекст видоизменяет расплывчатое исходное значение, превращая его в «позиционные варианты», а в том, что контекст реализует заключенные в слове заранее (т. е. в слове как элементе языковой системы) различные значения. При этом «работа» контекста сводится к двум последовательным актам: отбору нужного в данный момент виртуального значения и его актуализации. «Специфические значения» являются не следствием актуализации, а ее предпосылкой. Актуализация этих значений возможна лишь после того, как акт отбора уже выделил определенное значение.

Что содержание многозначного слова обусловлено системой языка, а не речью, показывает невозможность дословного перевода многозначных слов с одного языка на другой. Если значения таких слов действительно являются порождаемыми контекстом «лексико-семантическими вариантами» основного значения, то почему русск. *лиса* не может служить эквивалентом нем. *Fuchs* в значении «рыжий человек», «гнедая лошадь», «студент-первокурсник» и «золотая монета дукат»? Отчего русск. *теплый* не может, подобно франц. *chaud*, иметь значения «горячий» и «пылкий, вспыльчивый»? Отчего русск. *поймать* не передает таких значений англ. *catch*, как «застать, поспать», «зацепить, задеть», «задерживать», «прерывать, перебивать»? Ведь контекст можно воссоздать в деталях, и если, тем не менее, слово одного языка не обнаруживает всех тех значений, которое имеет соответствующее ему по основному значению слово другого языка, то, значит, контекст не является позиционным фактором, образующим

«комбинаторные варианты» значений. В евангельском сравнении *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное* поражает экстравагантный образ: кому могла взбрести в голову мысль о животном, продергиваемом в иголку? Между тем на языке оригинала мысль была естественной и понятной, так как соответствующее слово обозначало там не только животное, но и морской канат из верблюжьей шерсти. Буквальный перевод на другие языки исказил и затемнил смысл, несмотря на точное воспроизведение контекстуальных условий.

Оспаривая данную Бальдингером трактовку прилагательного *grün*, В. Шмидт писал: «Если язык как система это — резервуар, из которого актуальный речевой акт черпает свой материал, и если язык должен пониматься не как система опустошенных отношений и форм, а как система конкретных осмысленных знаков, то в речи, т. е. на уровне *parole*, могут выступать только такие значения слова *grün*, которые в готовом виде или, по меньшей мере, в своей основе даны уже на уровне языка (*langue*)».⁸⁵

Приведенные выше соображения убеждают нас в справедливости этих слов.

3. Полисемия и омонимия

Если, таким образом, «общие значения» это всего лишь фикция, пустая абстракция, не нашедшая себе подтверждения в конкретных данных, то не правы ли их противники, которые, как Потенция, отстаивали лексическую самостоятельность элементов многозначного слова?

Рассмотрим аргументы, выдвигавшиеся против полисемии противниками «общих значений».

Потенция справедливо усматривал в «общих значениях» своего рода «лексический агностицизм». «Нелепо думать, — говорил он, — что люди, называющие порох зеленым, представляют его себе зеленым или не сознают раз-

⁸⁵ W. Schmidt. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Ein Beitrag zur Theorie der Wortbedeutung. Schriften zur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, № 7, Berlin, 1963, стр. 8.

личия между растением и порохом». ⁸⁶ Многозначные слова выражают разные понятия, несводимые к одному. «Звук *баба* значит у нас, как известно, *anus, obsetrix, fistuca, pelicanus*, род сдобного хлеба и многое другое. Спрашивается, существуют ли все эти значения в языке, или это только нам кажется? Сознаем ли мы различие между женщиною, свасю, птицею, хлебом при помощи нашего языка, или это различие нашему языку чуждо, а вносится в наше понимание извне? Мало того, что мы сознаем различие этих значений, но, строго говоря, для каждого из этих различий мы имеем особое слово». ⁸⁷

Ссылка на различие и самостоятельность значений неопровержима. Действительно, никакие ухищрения и выкрутасы вроде подмены всех значений многозначного слова главным или конструирования смутного и опустошенного «сверхзначения», охватывающего различные классы предметов, не могут устранить различия реальных значений. Но следует ли из этого, что каждое значение — это, «строго говоря, особое слово»? Следует ли из факта семантической самостоятельности значений вывод об их лексической самостоятельности?

Между семантическими элементами в составе словарной единицы, лексемы, существует определенная связь, и сторонники лексического раздробления полисемии это знают. Но, говорят они, это связь этимологического свойства. Нужно различать этимон (или, как выражается Потеня, «представление») и значение. Этимон — это признак, лежащий в основе обозначения, т. е. элемент мотивации, содействовавший образованию нового значения на базе старого. Польск. *strop* 'свод, потолок', русск. диал. *строп* (чердак, потолок; ср. лит. *стропила*), ст.-слав. *стропъ* 'крыша' обнаруживают этимологическую связь с средне-нижнем. *rōf, rūf* 'крышка, навес, полуют (морск.)' и ст.-ирл. *crō* 'изгородь, загон, хлев'. Можно предположить, что в основе старых значений лежит признак плетения, откуда «изгородь», собственно «плетень» и

⁸⁶ А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, IV, стр. 96.

⁸⁷ Там же.

сплетенный из прутьев «навес», а впоследствии (с переносом значения по функции) «крыша, свод, потолок». Во всех приведенных нами родственных словах старый этимологический признак утрачен, сохранились лишь возникшие при его посредстве значения. Не так ли обстоит дело и с полисемией?

«Связью между звуком и значением, — обосновывает свою точку зрения Потепня, — служит первоначально представление; но с течением времени оно может забыться. Отношение между словами однозвучными, если однозвучность их не есть только случайная или мнимая, всегда бывает таково: а) представление, первоначально связанное со звуком, может в разное время стать средством сознания различных значений; б) каждое из этих значений может, в свою очередь, стать представлением других значений. Положим, в слове *зелье* представляется растение чем-то зеленым; значение растение служит затем представлением лекарства, лекарством представляется снадобье вообще, снадобьем представляется порох. Все эти значения — растение, лекарство, снадобье, порох, — составляют не одно слово, а четыре».⁸⁸ Потепня, как мы видим, настаивает на том, что связь между значениями одной лексемы носит не семантический, а деривационный характер. Деривация основана в таких случаях на «представлении», которое может с течением времени забыться. Потепня не ограничивает при этом случаи с «забытым» этимологом от случаев, в которых деривационная связь между значениями продолжает жить. Он считает, что во всех случаях «подлинной» однозвучности значений, возникшей в результате семантической филиации одного слова, отношения вполне однотипны.

Вывод Потепни о деривационном характере связи между значениями одной лексемы представляется нам совершенно бесспорным. Иллюзия «общих значений» возникает именно тогда, когда деривационные связи внутри слова принимаются за симптомы далеко простирающегося семантического родства и тождества элементов полисе-

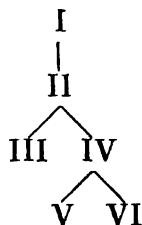
⁸⁸ Там же. Некоторые явные опечатки и ошибки в прочтении рукописи нами устранимы.

мии. Что же касается других выводов Потебни, то они, на наш взгляд, страдают односторонне генетическим подходом к явлениям языка и нуждаются в существенных уточнениях и дополнениях.

Заметим прежде всего, что значения одной лексемы не всегда образуют последовательную цепь дериватов, как в примере со словом *зелье*. В последовательной деривационной цепи все промежуточные звенья (в приведенном примере значения «лекарство» и «снадобье») выступают в двойной функции: как производящие — по отношению к последующему звену и как производные — по отношению к предыдущему. Только крайние звенья имеют здесь одну функцию: начальное звено — «растение» — функцию производящего (основного) значения, конечное звено — «порох», — функцию деривата. В других примерах наблюдаются отношения «параллельного включения».⁸⁹ Все производные значения восходят в таких словах к одному основному значению. Ср. *голова*: I — «известная часть тела человека или животного», II — «единица счета скота», III — «передняя часть (отряда или колонны)», IV — «выборный руководитель в органах самоуправления» (дореволюц.), V — «пищевой продукт в форме конуса или шара» (*голова сыра* или *сахара*), где первое значение выступает в роли основного по отношению ко всем остальным и нет значений, совмещающих функции производящего и производного члена. Встречаются, наконец, и более сложные примеры, в которых переплетаются элементы параллельного и последовательного включения. Ср. *мягкий*: I — «нетвердый, такой, что легко мять или гнуть», II — «нежесткий, эластичный» (например, *мягкие волосы, мягкая шерсть, кожа*), III — «содержащий мало извести (о воде, от которой волосы и кожа становятся мягкими)», IV — «нераздражающий, приятный, нерезкий» (*мягкий свет, мягкие тона, движения*), V — «кроткий, негрубый» (*мягкий характер, мягкий начальник*), VI — «палатализованный (о звуках языка)». Здесь непосредственно к основному значению (I) восходит значение II, значения III и IV

⁸⁹ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 55.

восходят параллельно к значению II, значения V и VI параллельно — к значению IV (см. схему):

Деривационная структура полисемии характеризуется, таким образом, иерархией: главенствующую роль играет всегда одно — основное, или главное значение; все остальные значения прямо либо косвенно подчинены главному.

Деривационная структура многозначного слова не является однотипной, данной раз и навсегда. В процессе исторического развития она нередко существенно видоизменяется. Перестройка деривации может выразиться в изменении отношения между главным и второстепенными значениями и даже в расщеплении единой структуры на две. Необходимо поэтому различать этимологические, т. е. исторически снятые, и актуальные, действительно проявляющиеся в слове данной эпохи деривационные отношения.

Омонимы *точить*¹ — «заострять» и *точить*² — «источать (влагу)» этимологически, как известно, восходят к одному источнику — каузативной форме от *течь* — «бежать, удирать, течь». Первоначальное значение этой формы — «заставить бежать или течь». Из современных русских форм *точить*² ближе к начальному значению. Что же касается глагола *точить*¹, то переход к его нынешнему содержанию был в свое время опосредован рядом значений, частично сохранившихся в морфологических дериватах этого слова: «протекать, терять, делать так, чтобы нечто ушло утечкой». Ср. у Даля: *Хлеб точится из закрома* (худое место есть), *все пиво выточилось* (ушло); ср. еще: *Расточать имущество*, «т. е. безрассудно тратить, изводить, сделать так, чтобы оно утекло»; от значения «расточать» легко было перейти к значению «истачивать» — «исподволь переедать, грызть, дырывать, просверливать» (ср.: *Моль то-*

чит одежду, ржа точит железо) и дальше к значению «разъедать, стачивать, удалять или срезать поверхность тела для придания ему определенной формы», откуда впоследствии и «заострять», т. е. «стачивать лезвие и т. п., чтобы сделать острым».

Некоторые исторические процессы (как выпадение значений «бежать» и «ударять» из смыслового содержания основной формы глагола, разрыв грамматических связей между *течь* и *точить*, возникновение морфологических дериватов для ряда значений, до того выражавшихся многозначной каузативной формой и т. д.) привели впоследствии к исчезновению ряда промежуточных значений. Единая деривационная структура глагола распалась в итоге на независимые друг от друга омонимы. Генетические связи между отдельными значениями с разрывом деривационной цепи перестроились и уступили место новым.

Из возникших на месте старой каузативной формы двух омонимов один (*точить*²) удержал много старых значений и развил ряд новых. Присматриваясь к структуре его многозначности, можно заметить, что этимологический порядок образования значений в ней нарушен и актуальные связи обнаруживают иерархию, несовпадающую с генетической. Исторически значение «стачивать поверхность предмета» предшествует значению «заострять». Теперь же значение «заострять» является главным в слове, и в актуальном плане оно уже больше не производное, а производящее значение. Деривационная связь между этими значениями стала, таким образом, диаметрально противоположной.

Потебня, несомненно, прав, указывая, что лежащие в основе новых значений слова «представления», т. е. деривационные связи, могут «забыться». Но, устраняя старые деривационные связи, слово, оставаясь многозначным, заменяет их новыми. Полисемия это не просто ряд исторически сложившихся в данной лексеме значений, как думает Потебня, — это прежде всего ряд объединенных актуальными деривационными связями значений.

Что этимологические связи не столь уж важны, показывают те — сравнительно редкие — примеры, когда полисемия возникает на базе омонимии. Русск. *сальный*

имеет несколько значений; в том числе: I — «сделанный из сала», II — «грязный, лоснящийся от сала» и III — «непристойный, грубо-циничный». Последнее из них, как отмечает словарь Ушакова, возникло в результате смысловой контаминации с французским *sale* 'грязный, гадкий'.

Говоря о полисемии, мы вынуждены были применять по отношению к значениям термины «производящее» и «производное», обычно применяемые только к словам. Но в том то и дело, что возникновение новых значений необязательно должно сопровождаться образованием новых слов. Уже давно известно, что «образование новых понятий» может достигаться и «путем нового применения старых слов». ⁹⁰ В последнем случае деривация не получает материального выражения и остается «невыраженной», «скрытой». Она опирается теперь на семантические элементы контекста. Деривацию последнего типа мы вправе называть семообразованием, отличая ее от словообразования.

Процессы семообразования и словообразования в известной степени параллельны. Ср. нем. *Fuß* — I «пога, стопа», II — «подножие горы», III — «ножка литеры» (типографск.) и, с другой стороны, русск. словообразовательный ряд *нога—подножие—ножка*. Актуальные деривационные связи между отдельными значениями в пределах одной лексемы так же осознаются говорящими, как и деривационные отношения между элементами одного словообразовательного ряда. И все же семообразование имеет свои специфические особенности. Дело в том, что отношения между значениями в одной лексеме не нейтральны, они взаимодействуют и влияют друг на друга. Единство звуковой формы существенным образом воздействует на смысловое содержание слова, вторгаясь в сферу семантики. В связи с семообразованием в содержании слова появляется новый элемент, а именно з н а ч и м о с т ь.

Чтобы яснее представить себе, почему нецелесообразно считать каждую отдельную сему многозначного слова отдельным словом, обратимся сначала к введенному Ф. де Соссюром понятию «значимости».

⁹⁰ Л. В. Щербачева. Восточнолужицкое наречие. Пгр., 1915, стр. 80.

4. Учение Соссюра о значимости

Наряду с тривиальными значениями Ф. де Соссюр находит в языке еще «значимости» (*valeurs* 'ценности, стоимости'; термин, заимствованный из политической экономии). Новое понятие очерчено в соссюрском «Курсе» недостаточно четко, а кое в чем даже противоречиво; тем не менее оно не лишено объективных оснований и должно быть рассмотрено в связи с интересующими нас в данной работе вопросами.

Понятие «значимости» вытекает, по Соссюру, из «системы языка». Значимость познается путем сопоставления смежных по значению слов одного языка, а также лексических систем разных языков. Рассмотрим приведенные Соссюром примеры.

Французское слово *mouton* имеет то же значение, что и англ. *sheep*. Но по значимости эти слова не совпадают, так как для обозначения поданного на стол куска баранины француз пользуется тем же словом *mouton*, тогда как англичанин прибегает к новому слову *mutton*. Различие в значимости обусловлено тем, что в английском языке слову *sheep* противостоит слово *mutton*, тогда как во французском аналогичное противоположение отсутствует.⁹¹

Лексическое значение определяется, по Соссюру, должным образом лишь тогда, когда привлекаются к рассмотрению сопредельные слова. «Внутри одного языка слова, выражающие смежные понятия, взаимно друг друга ограничивают: синонимы, как например *redouter*, *craindre*, *avoir peur* обладают значимостью лишь в меру их обоюдного противопоставления; если бы слова *redouter* не существовало, все бы его содержание перешло к конкурентам».⁹²

В некоторых случаях, замечает Соссюр, имеет место процесс обогащения содержания слова в результате его соприкосновения с другим словом. Так, омоимы *décrépît*¹

⁹¹ F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Paris, 1922, стр. 160.

⁹² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Перевод А. М. Сухотина. М.: URSS, 2009, стр. 115. Конкретные примеры приведены по французскому оригиналу.

'дряхлый' и *décrépit*² 'растрескавшийся, облупившийся' обнаруживают тенденцию к семантической диффузии: *la façade décrépite d'une maison* 'облупившийся фасад дома' воспринимается одновременно как «старый» и «облупившийся» фасад.⁹³

Как же Соссюр интерпретирует все эти и им подобные факты?

Единства в его взглядах мы не найдем. С одной стороны, он толкует их в плане «общих значений», и последователи Соссюра чаще всего именно так воспринимают его значимость. Вместе с тем в его размышлениях проглядывает и другое, более глубокое понятие (точнее, зародыш понятия) о значимости.

Когда мы в «Курсе» читаем, что понятия не имеют никакого положительного содержания и зависят во всем от языка и его элементов, что, в сущности говоря, они являются лишь «смутными, бесформенными и произвольными» значимостями, то понятие «значимости» предстает пред нами как новая вариация на старую тему об «общих значениях». Отличие Соссюра в этом пункте от других, в том числе и новейших адептов «общих значений» состоит лишь в том, что Соссюр со свойственной ему строгой последовательностью мысли извлекает из принятой им трактовки все логические выводы и, не страшась, говорит о туманности и произвольности лексических значений. То, что другие исследователи стыдливо прячут, стремясь придать конструируемым ими «сверхзначениям» видимость реальных фактов, у Соссюра выступает открыто и без прикрас. Он идет даже дальше: выпотрошенное и освобожденное от объективного содержания значение принимается им за исходный пункт всей его философии языка.

Само по себе мышление — это, по Соссюру, «бесформенная и смутная масса», «туманность, где ничто не разграничено». С другой стороны, и «звуковая субстанция не является чем-либо более устойчивым и застывшим, чем мышление». Это не «готовая форма» для мышления, а «мягкое вещество, пластическая материя», способная

⁹³ Там же.

члениться на отдельные «означающие», так же как мышление делится на отдельные «означаемые».

Различия в «бесконечный план смутных идей» и «неопределенный план звуков» вносятся, по Соссюру, извне языком, который приобретает при этом характер особой мистической силы, господствующей над мышлением и звучанием. Язык в таком понимании это «не материальное средство для выражения идей», а некий «посредник между мышлением и звуком», таинственным образом вызывающий их обоюдное разграничение. «Нет, — утверждает Соссюр, — ..ни материализации мыслей, ни спиритуализации звуков, а все сводится к тому в некотором роде таинственному явлению (разрядка моя, — С. К.), что «мысль-звук» требует наличия делений и что язык вырабатывает свои единицы, оформляясь между двумя бесформенными массами».⁹⁴

Только язык, гипостазированный в автономную и независимую от мысли сущность, витающую «между» двумя «бесформенными массами», вносит, по Соссюру, момент членораздельности в мышление и звучание. Утверждая, что «нет предустановленных идей и нет никаких различий до появления языка»,⁹⁵ Соссюр отнюдь не сражается против априорности идей. Напротив того, он отстаивает внеопытное происхождение идей, подчиняя их полностью языку. В гносеологическом плане перед нами здесь особый вариант агностицизма, стремящийся дискредитировать понятия, как вырастающие из общественной практики формы познающей мысли.

Расчленение «плана смутных идей» и «неопределенного плана звуков» отличается в каждом языке, согласно такой интерпретации, симметричностью и произвольностью. Отдельному фрагменту звучания всегда будто бы соответствует соразмерный фрагмент мысли, причем величины этих фрагментов произвольны и различны в разных языках. В результате такого членения возникают «значимости», накладывающие на каждый язык печать самобытности. Именно значимости, а не понятия опреде-

⁹⁴ Там же, стр. 112.

⁹⁵ Там же.

ляют семантическое своеобразие каждого языка. «Если бы слова служили для выражения заранее данных понятий, то каждое из них встречало бы точные смысловые соответствия в любом языке».⁹⁶ В поисках объяснения семантических различий между языками Соссюр прибегает к принципу тождества звуковой формы и содержания («основным свойством языковой организации является именно сохранение параллелизма между двумя рядами различий»)⁹⁷ и к «общим значениям», выступающим теперь под личиной значимости. Если франц. *mouton* и англ. *sheep* имеют различную значимость, то только «потому», что одна и та же «порция» «смутного мышления» попала в одном языке в одно слово, а в другом была распределена между двумя словами. Такое толкование ведет, как мы уже знаем, к отрицанию полисемии. Оно разрушает невидимые переборки, разделяющие во франц. *mouton* отдельные значения, и, как бы взбалтывая все содержимое лексемы, превращает его в единую значимость. Заметим попутно, что учение о значимости явно противоречит соссюрскому же учению о знаковости языка. Если при определении лингвистического знака Соссюр стремился доказать, что значение знака, его «означаемое», «никаким внутренним отношением» не связано с «означающим», что одна и та же «идея» может быть выражена по-разному в разных языках и является чем-то безразличным для знака и независимым от него,⁹⁸ то в учении о значимости он подчиняет смысловое содержание слова языковой форме, а «идеи» — языку, растворяя их в значимостях.

Каково же соотношение значимости с эмпирически устанавливаемыми значениями? Соссюр явно колеблется в этом пункте. То он категорически заявляет, что значимости — это «единственный вид имеющихся в языке фактов»,⁹⁹ то вдруг находит, что в языке наряду с значимостями существуют и значения, но как вторичные образо-

⁹⁶ Там же, стр. 116.

⁹⁷ Там же, стр. 119.

⁹⁸ Там же, стр. 79—80.

⁹⁹ Там же, стр. 119. См. также: R. Godel. Les sources manuscrites de Cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève—Paris, 1957, стр. 241.

вания, производные от значимостей.¹⁰⁰ Конкретные отношения между этими структурными единицами и пути возникновения значений из значимостей им не прослеживаются. Предпринятые последователями Соссюра попытки выведения «частных значений» из «общего» с помощью понятия «комбинаторного варьирования» рассмотрены нами выше.

В учении о значимости есть, однако, и другая, более существенная сторона, несводимая к «общим значениям».

Значимость, в понимании Соссюра, это продукт системы, она зависит исключительно от присутствия других слов в системе. Слова в языке не существуют изолированно друг от друга: они взаимно отграничиваются и противостоят одно другому, образуя тем самым систему. «И идея и звуковой материал, заключенные в знаке, имеют меньше значения, чем то, что есть кругом него в других знаках. Доказывается это тем, что значимость термина может видоизмениться без изменения как его смысла, так и его звуков, исключительно вследствие того обстоятельства, что какой либо смежный термин претерпел изменение».¹⁰¹

Вытекающие из данных в системе противопоставлений значимости «чисто дифференциальны, т. е. определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими элементами системы. Характеризуются они в основном тем, что они — не то, что другие».¹⁰²

В «Курсе» очень скупо говорится о том, как определяются конкретный состав и границы той «системы», в которую входит данное слово. Сказано лишь, что значимость обусловлена «своими взаимоотношениями с другими значимостями того же порядка (разрядка моя, — *С. К.*)».¹⁰³ Ср. еще в другом месте: «Слова, выражающие смежные понятия (разрядка моя, — *С. К.*) друг друга отграничивают».¹⁰⁴ Но что понимается под

¹⁰⁰ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 115; R. Godel. Les sources manuscrites..., стр. 237.

¹⁰¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 119.

¹⁰² Там же, стр. 116.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, стр. 115.

«значимостями одного порядка» и под «смежными понятиями», конкретно не указано. Об этом можно лишь догадываться по немногим лексическим примерам, иллюстрирующим данные мысли.

Приводимые в «Курсе» примеры относятся к области полисемии и синонимии. Соссюр указывает, например, что даже в отношении такого слова, как *солнце*, значимость не может быть установлена непосредственно, без оглядки на его окружение. При этом он ссылается на языки, в которых немислимо выражение *сидеть на солнце*. Учет окружения сводится здесь, как и в упомянутом выше примере с франц. *mouton*, к сопоставлению с другим языком. Что означают эти примеры, не совсем ясно. Язык, в котором немислимо выражение *сидеть на солнце*, имеет по всей вероятности, кроме слова с значением «солнце», еще по меньшей мере одно слово в значении «место, озаряемое солнечным светом»; ср. русск. *солнцек*, где к такому значению присоединяется оттенок интенсивности («место, где сильно греет солнце»). А как обстоит дело в языке, где, как в русском, можно сказать *сидеть на солнце*? В принципе возможны два ответа: 1) в таком языке значения «дневное светило» и «место, озаряемое солнечным светом» не различаются и 2) в таком языке оба значения различаются, будучи совмещены в одной лексеме. Первый ответ ведет, как мы уже знаем, к отрицанию полисемии и признанию «общих значений». Второй ответ утверждает полисемию как реальный факт языка и рассматривает значения как явления, независимые от «значимости». Но можно ли в этом случае говорить о семантических явлениях «одного порядка» только на том основании, что они совмещены в одном слове? Имеем ли мы здесь дело со «смежными понятиями»? Конечно, связь между солнцем и солнечным пятном либо бараном и бараниной несомненно существует, но связь эта не «чисто дифференциальная»; она зависит не от противопоставления слов в системе, а отражает реальные, объективно данные материальные связи, сами же понятия (солнца и солнечного пятна и, соответственно, барана и баранины) вряд ли можно назвать «смежными». Это разные, хотя и пересекающиеся, понятия, отражающие различные классы вещей (класс светил и класс световых

пятах, класс животных и класс мясных продуктов). Какая же система имеется здесь в виду и может ли в случае полисемии выделяться значимость как особый момент содержания слова?

Несколько более отчетливо смысл новых понятий виден в примерах с синонимией.

Синонимы *робеть*, *трусить*, *бояться*, *страшиться*, *пугаться*, *трепетать*, *ужасаться*, *испытывать робость*, *страх*, *боязнь*, *ужас* и т. п. действительно образуют систему, особый парадигматический ряд, в котором все элементы взаимосвязаны и зависят один от другого. Но и в данном случае не приходится говорить о простом распределении инертной, качественно однородной и произвольно членимой «массы мышления» между определенным числом «емкостей» или «сосудов» смысла. Если бы слово *робеть* выпало из языка, то его значение не распределилось бы поровну между всеми членами синонимического ряда, а скорее всего перешло бы к словам *бояться*, *испытывать страх*, возможно еще *трусить*, с присоединением в случае необходимости ограничительного дополнения «от неуверенности в себе», так как именно этот момент составляет тот «лишек», тот добавочный оттенок, который отличает *робеть* от *бояться*. Если бы исчезло слово *пугаться*, то его значение перешло бы к тем же общим глаголам страха, но с добавлением в случае необходимости указания на мгновенность и неожиданность чувства. Утрата слова *ужасаться* потребовала бы присоединения к общим глаголам указания на силу и интенсивность чувства и т. д. Синонимы, таким образом, совсем не безразличны в своем отношении друг к другу, и каждый из них занимает строго определенное место в парадигматическом ряду. Ключевое место в ряду принадлежит словам, выражающим общую для всего ряда идею, в нашем примере идею страха. В других синонимах общее понятие осложняется дополнительными оттенками — концептуальными или стилистическими. Стилистические синонимы, например слова поэтической речи, могут исчезнуть бесследно (ср. *рамена* 'плечи'). Что же касается концептуальных синонимов, то их исчезновение требует, как правило компенсации в виде парафрастического словосочетания (так, с переименованием Красной армии в Советскую армию

из активного словаря выпало слово *красноармеец*, а на смену ему пришло сочетание *солдат Советской армии*).

В целом, как мы видим, понятия системы, противопоставления и значимости сформулированы Соссюром недостаточно четко. Они затемнены метафизической трактовкой мышления как «смутной и бесформенной массы», организуемой извне «Языком». При всем этом выдвинутые автором «Курса» положения содержат в себе зародыши нового, более глубокого подхода к проблеме взаимосвязи языка и мышления.

Соссюр впервые обратил внимание на факты несовпадения семантических структур разных языков, выражающиеся не только в различном распределении смысловых единиц по словам, но до некоторой степени — и в различиях самих единиц. Он впервые отметил существование парадигматических рядов, в которых значение каждого элемента связано с значениями всех других элементов данного ряда. Он впервые выделил значимость как особый момент, отражающий семантические расхождения между языками.

Открыв смысловые зависимости элементов парадигматического ряда, Соссюр придал им абсолютный и безграничный, раздутый сверх меры характер. Обусловленный в развитии своего содержания историей мышления, язык в известных, весьма ограниченных, пределах оказывает обратное воздействие на мышление. В результате взаимопроникновения территориальных и социальных диалектов и влияния других языков, а также в силу многообразия средств выражения мыслительного содержания и выразительных функций и т. д., перед каждым языком открываются различные возможности распределения значений по словам, организации парадигматических рядов, варьирования и частичной деформации выражаемых словами понятий. Семантические структуры различных языков могут отличаться одна от другой уровнем развития понятийного содержания слов, а также репертуаром обозначаемых словами реалий. Но, помимо всего этого, на формирование семантического строя языка заметное влияние оказывает еще значимость, т. е. чисто негативный момент, отражающий обратное влияние структуры языка на содержание элементов структуры. Можно

согласиться с Соссюром, когда он говорит, что значимости определяют лишь «форму», но не «субстанцию» лексических значений. Но мы не можем следовать за ним, когда он подчиняет значение значимости, как не можем принять и мнение Л. Ельмслева, будто значимость слов, их семантическая форма «может изучаться без всякого обращения к субстанции»,¹⁰⁵ т. е. к понятийному содержанию слов.

Именно концептуальной стороне принадлежит решающая роль в формировании семантического строя. Без учета понятийного содержания слов нельзя вычленил ни парадигматический ряд значений в составе многозначного слова, ни синонимический ряд. Без обращения к субстанциональному содержанию нельзя понять и формальные соотношения внутри этих рядов, а также возникающие в таких рядах отклонения от «чистого типа». Понятия под воздействием форм языка видоизменяются, порождая определенные значимости. Изучать последние в отрыве от понятийного содержания так же невозможно, как невозможно их изучать без внимания к звуковой форме.

5. Элементы значимости в полисемии и синонимии

Попытаемся теперь ближе определить рациональное содержание термина «значимость» применительно к полисемии и синонимии, не претендуя на сколько-нибудь полный охват явлений.

Широко распространенные факты совмещения ряда значений в одной лексеме не являются чем-то внешним и безразличным для семантической структуры языка. Полисемия оказывает заметное влияние на взаимоотношения между смысловыми единицами и их содержанием.

Влияние полисемии сказывается прежде всего на лингвистической модальности значений. Степень осознаваемости главного и второстепенных значений многозначного слова у говорящих различна. В ответ на вопрос о значении такого слова мы, как правило, получаем разъяснения, касающиеся главного значения. О второсте-

¹⁰⁵ Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? В сб.: Новое в лингвистике, II, М., 1962, стр. 131.

пенном значении вспоминают лишь тогда, когда общий контекст речи или внешняя ситуация исключают иную возможность. Деривационные связи между главным и второстепенными значениями живо ощущаются говорящими и представляются им единственно возможными. При изучении другого языка говорящий невольно распространяет на него нормы родной полисемии. Совпадение чужого слова с родным по их главному значению побуждает лингвистически неискушенного человека полностью отождествлять содержание таких слов, что является источником многих ошибок в начальный период освоения чужой речи. Эти и им подобные особенности речевого поведения наглядно показывают, что различия морфологически выраженной и скрытой, т. е. семантической деривации, а также различия в конкретном составе значений многозначного слова не являются чисто внешними различиями выразительного плана, а глубоко проникают в семантический строй языка в качестве специфических (формальных) различий содержательного плана.

Особую форму принимает значимость в многозначных словах с явно ощущаемым метафорическим элементом. Русск. *младенец*, помимо основного значения «маленький ребенок, дитя», имеет еще переносное значение «неопытный, неумелый, наивный человек» (ср.: *политические младенцы; младенец в науке*). Если при употреблении слова *колени* в переносном значении «отдельный пассаж или фигура в составе танца или песни, отдельное место в пении птиц» (ср.: *Любители соловьиного пения обычно размышляют в нем девять колен*) мы обычно не воспроизводим его основное значение в сознании, хотя и сознаем деривационную связь с ним, то употребление значений типа «младенец II» необходимо предполагает совместное присутствие в сознании двух значений, — переносного и прямого. Производящее значение в данном случае не только не подавляется, но, наоборот, необходимо всплывает всякий раз, служа как бы фоном для переносного значения. Момент сравнения, опосредовавший в свое время образование нового значения, ощущается здесь поныне.

Было бы недопустимым преувеличением говорить, что в словах типа *младенец* наблюдается поэтическая метафоричность. Поэзия требует импровизированных тропов, ин-

дивидуальных и неповторимых. Все необходимое для их понимания должно содержаться в контексте. Языковая метафора, даже тогда, когда, как в нашем примере, первоначальное значение в ней еще живет, это привычная, санкционированная узусом форма словоупотребления. Элемент оригинальности и индивидуального творчества в ней отсутствует. Появление этой формы в речи знаменует не процесс обновления выразительных средств поэтической речи, а использование готового репертуара экспрессивной сипонимики. Контекст и в данном случае играет важную роль, но только в качестве носителя диакритических моментов, содействующих отбору требуемого значения.

Значения типа «младенец II» не имеют самостоятельной номинативной функции и употребляются как средства экспрессивной характеристики. Параллельно с ними в языке существуют нейтральные в стилистическом отношении синонимы, способные выступать как в той, так и в другой функции. По отношению к нейтральным синонимам значения рассматриваемого типа являются, по выражению Е. Куриловича, экспрессивными формами, в которых превалирует стилистический (изобразительный или аффективный) элемент, а концептуальное ядро отступает на задний план.

К значениям данного типа относятся еще частые примеры метафорического употребления обозначений животных, как *лиса* «хитрец, лстец, лукавый человек», *медведь* «неуклюжий, нецеловоротливый или сильный человек», *вьюн* «юркий, вертлявый, очень подвижный человек» и т. д. Сюда относятся, далее, слова типа *мурло* в значении «толстое или некрасивое лицо» и «человек с некрасивым лицом», *фрукт* — о человеке с отрицательными качествами, *цвет* «лучшая часть общества, нации, молодежи и т. д.», *цаца* «слишком важничающий, требующий к себе особого внимания человек», *дубина*, *чурбан*, *бревно* «тупой, неотесанный человек» и многие другие.

Значимостный момент в переносных значениях данного типа обусловлен прежде всего тем, что, не имея самостоятельного концептуального содержания, такие значения не входят в основной инвентарь значений, непосредственно отражающих связи языка с мышлением. Вырастающие на концептуальной основе стилистические оттенки хотя и от-

вечают глубоким потребностям общения, тем не менее в целом менее обязательны и допускают значительные колебания по языкам.

Эти колебания касаются иногда содержания переносных значений. Так, в немецком языке *свинья* означает в переносном смысле «нечистоплотный человек», в русском — не только «физически неопрятный», но еще и «морально нечистоплотный», а в китайском, как любезно сообщил мне С. Е. Яхонтов, — «порочный, похотливый». Олицетворением глупости и тупого упрямства в русском языке является осел, в идиш — корова или лошадь. Расхождения между языками могут выражаться и в масштабах использования того или иного приема образования переносных значений. Так, в китайском языке, по свидетельству С. Е. Яхонтова, использование обозначений животных в целях экспрессивной характеристики человеческих качеств представлено чрезвычайно скупой. Практически там встречаются только *тигр* в значении «свирепый или отважный человек», *волк* в значении «хищный человек» и немногие другие.¹⁰⁶ Широкое распространение подобных метафорических образований идет, по-видимому, от народной литературы, сказочных мотивов, мифологии, произведений аллегорического жанра, в особенности басен и т. д. Недостаток метафорических образований данного типа в арсенале экспрессивных средств того или иного языка может быть восполнен мифологическими и сказочными образами (*геркулес* — о человеке, обладающем громадной силой, *крес* «владелец несметных богатств», *ведьма* «сварливая, злая, безобразная женщина», *кощей* «исхудалый, костлявый и тощий старик» или «скупец, скряга»), обобщенными образами художественной литературы, эмоциональными словечками различного происхождения (как *мужлан*, *девка*, *копун*, *скряга*, *сквальга* и т. п.). Различия между языками в этой области могут быть очень значительными, но, как мы видели, они касаются не концептуального, а стилистического плана.

Влияние синонимии на лексические значения во многих случаях также не выходит за пределы стилистики. Добавляя к концептуальному содержанию тот или иной

¹⁰⁶ Ср.: О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии, стр. 114.

стилистический оттенок, они превращают данное слово в экспрессивную, жанровую, эйфемистическую или вульгарную и т. д. форму другого слова. Так, в ряду *внешность, внешний вид, наружность, облик, обличье* первые три элемента стилистически нейтральны, *облик* звучит более литературно и возвышенно, *обличье* — просторечно. *Отрок* — это архаическая и поэтическая форма к слову *подросток*; *подзудить* — просторечная форма к *подстрекнуть, подзадорить*; *рукоплекать* — книжная и вместе с тем приподнятая форма к *аплодировать*. Иногда в синонимах прослеживаются дополнительные оттенки, связанные с происхождением слов и их словообразовательными связями. Ср. *чинный, степенный, солидный, представительный, важный*, где ощутимая связь с производящими словами, как *чин, степень, представитель* предопределяет в ряде случаев выбор синонима.

В плане значимостных отношений больший интерес представляют для нас факты концептуальной синонимии. Сталкиваясь в одном ряду, конкурирующие термины нередко делят между собой сферу оцределенного значения, что приводит к неполноте и к логической ущербности значения. Так, для обозначения части ручного инструмента, за которую берутся рукой, в русском языке употребляются слова *рукоятка, ручка, черенок* и некоторые другие. Ср. *рукоятка* (но иногда также *ручка*) *молотка, ручка отвертки, черенок ножа, долота, косы*, но у топора — *топорище*, у косы — наряду с черенком также *косовище*. Когда толковые словари отмечают в таких словах значение «часть ручного инструмента, за которую его держат», то они делают, в сущности говоря, лишь полдела; такое толкование слишком обще и не содержит указания на смежные слова и условия распределения значений между ними.

Сходным образом обстоит дело с значением «часть механизма или прибора, приспособления, за которую берутся рукой для передвижения, поворота, переключения и т. д.». В роли конкурирующих обозначений здесь выступают *ручка, рукоятка*, а иногда еще *рукоять, ключ* и др. Ср.: *ручка швейной машины, ручка тормоза, веялки; рукоятка ворота*. Ср. также: *заводная ручка* (патефона) и *заводной ключ* (автомашины). Ср. еще: *Он двигал рукоятку вперед, и все цилиндры и валики начинали вертеться*

в одну сторону (Куприн) и, с другой стороны, *Приехал начальник дистанции на дрезине; четверо рабочих рукоять вертят, шестерни жужжат* (Гаршин).

Значения в этих примерах действительно образуют нечто вроде трировского «семантического поля», перекрытого несколькими словами. Отношения между этими словами неоднотипны. *Ручка* и *рукоятка* в ряде примеров — конкурирующие обозначения (например, в случае молотка), при этом *рукоятка* отражает влияние профессионального языка, а *ручка* — бытового. *Ручка*, как кажется, в разговорной речи вытесняет *черенок* у ножа. *Рукоять* менее обычна, чем *рукоятка*. Слова *топорище* и *косовище* — изолированные образования, пришедшие в литературный язык из народных говоров, где они более распространены (у Даля еще: *молотовище* «ручка молота», *грабловище* «ручка грабель», *метловище* «ручка (или палка) метлы» и др.). Раскрытие значения таких слов должно сопровождаться их значимостной характеристикой, так как ни один из членов синонимического ряда не покрывает все «семантическое поле» целиком. Столкновение форм, восходящих к разным жанровым и диалектным пластам языка, явилось причиной своеобразного семантического явления, когда на долю слов типа *ручка* и *рукоятка* приходится только часть формулируемого для них значения. В отношении таких слов можно в самом деле говорить, что здесь одно слово отграничивает другое и что значение каждого элемента ряда зависит от значения остальных.

Концептуальные синонимические ряды иногда обнаруживают различия по степени и интенсивности признака, а также различия в объеме употребляемого значения. Ср., с одной стороны, такие синонимы, как *теплый* и *горячий*, *тусклый* и *темный*, а с другой — такие, как *коричневый* и *карий* (последнее — только о цвете глаз и масти лошади), *ненадежный*, *убогий* и *углый* (последнее — преимущественно о плавучих средствах передвижения).¹⁰⁷ Различия этих типов, чрезвычайно важные для значимостных отношений, мы в числе прочих рассмотрим в последней главе.

¹⁰⁷ А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952, стр. 33—34. Изд. 5. М.: КомКнига/URSS, 2009.

ЗНАЧЕНИЕ И ОБОЗНАЧЕНИЕ

1. Структура понятийного поля и способ обозначения

Языковая метафора и стилистическая дифференциация слов с одинаковым понятийным содержанием — не единственный источник полисемии и синонимии. Существенную роль в их образовании играют также логические и метонимические связи между понятиями. Типы этих отношений и возникающие на их базе семантические явления еще не изучены с достаточной полнотой. Но уже сейчас можно сказать, что именно на этом пути следует искать объяснения многим фактам семантического расхождения языков.

Словесное обозначение понятий обусловлено не только их количеством, но, что гораздо важнее, и типами соединяющих их связей. Если бы принцип «одно понятие — одно слово» действительно управлял стихией словообразования, то семантические различия между языками сводились бы только к различиям этимологического и стилистического порядка. В действительности, однако, различия более глубоки и затрагивают сферу значений-понятий. Так, например, русскому *мочь* в немецком противостоят два дифференцированных по значению глагола *können* и *dürfen*. Русским глаголам *бить* и *ломать* во французском соответствует единое *casser*. Недифференцированному русскому существительному *берег* в английском языке соответствуют *bank* и *shore*. Многочисленные примеры этого рода можно найти во многих современных семасиологических исследованиях.

Объясняются эти расхождения тем, что обозначение понятий во многом зависит от структуры «понятий-

ного поля». Под «понятийным полем» здесь понимается противоположение понятий, ищущее выражения в языке. Многообразие формальных средств выражения и структурные различия понятийных полей обуславливают возможность различных способов обозначения, из которых тот или иной язык утилизирует в каждом отдельном случае, как правило, только один.

В структурном отношении понятийные поля можно подразделить на бинарные и полярные. В случае бинарного понятийного поля речь идет о соотношении двух дополнительных множеств А и В, в совокупности образующих надмножество С. В случае полярного понятийного поля противостоящие одно другому множества А и В не полностью исключают друг друга; между ними лежит более или менее обширная полоса постепенных переходов.

Один из таких типов выявлен уже давно. О нем в последнее время писал Р. О. Якобсон.¹⁰⁸

Бинарные понятийные поля допускают следующие возможности обозначения.

I. Каждое из множеств получает свое особое, независимое в деривационном отношении наименование. Примеры: *день—ночь—сутки*; *мужчина—женщина—человек*; *жеребец—кобыла—лошадь*; *кобель—сука—собака*.

II. Особые наименования получают только множества А и В, а наименование надмножества С образуется путем сложения наименований А и В. Пример: нем. *Finger* 'палец руки' — *Zehe* 'палец ноги' — *Finger und Zehen* 'пальцы'; русск. *жених—невеста—жених и невеста*; ср. еще *руки—ноги—руки и ноги* (в разговорном языке именно так, а не конечности: *Ему ампутировали руки и ноги*).

III. Особое наименование получает только одно из дополнительных множеств (А либо В) и надмножество С, другое дополнительное множество обозначается тем же словом, что и надмножество С. В зависимости от того, совмещается ли в обозначении надмножества С значение А или В, возникают две разновидности этой возможности.

¹⁰⁸ R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbuns. *Charisteria Guilelmo Mathesio oblata*, Praha, 1932, стр. 74—84.

Ср., с одной стороны, *теленки* и *телка*, вместе *телята*, *лев* и *львица*, вместе *львы* и, с другой стороны, *кот* и *кошка*, вместе *кошки*, *селезень* и *утка*, вместе *утки*.¹⁰⁹ Ср. еще нем. *Tag* 'день' и *Nacht* 'ночь', но в значении «сутки» только *Tag*; *Ich war fünf Tage unterwegs* 'Я пробыл в пути пять суток', но *Ich war fünf Nächte unterwegs* 'Я пробыл в пути пять ночей'.¹¹⁰ Обозначения рассматриваемого типа могут быть супплетивными или же составлять деривационный ряд. Ср., с одной стороны, *день—ночь—сутки* или *отец—мать—родители* и, с другой стороны, *гусак—гусыня—гуси*, *супруг—супруга—супруги*. Оставляя деривационные различия в стороне, выделим лишь случаи, когда отдельным словом обозначается только надмножество С, а подчиненные ему множества А и В выражаются описательно через обозначение надмножества. Ср. русск. *палец* и *палец руки*, *палец ноги* или русск. *белка* с уточнением: *белка-самец* и *белка-самка*. Обозначения могут принять и более усложненный характер в связи с использованием в одном ряде нескольких способов обозначения. Ср. *лето—зима—год*, но *ребенку пять лет*, ср. еще фразеологизм *сколько лет, сколько зим!*

Отдельный разряд дополнительных множеств образуют две взаимодополняющие части в составе единого целого. И в этих случаях объективной основой обозначения являются три множества: целостный предмет (С) и его составные части (А и В).

Примером такого типа логических отношений может служить «рука», в которой «кисть руки» естественно выделяется как важнейшая часть, противопоставляемая всем остальным частям.

А. Б. Долгопольский, сопоставивший обозначения руки в ряде языков,¹¹¹ выделил три важнейших типа

¹⁰⁹ См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 69; А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. В сб.: Вопросы грамматического строя, М., 1955, стр. 25.

¹¹⁰ См. выступление Р. О. Якобсона на Эрфуртском симпозиуме по проблеме знавости и системы в языке (*Zeichen und System in der Sprache*, II, стр. 28).

¹¹¹ А. Б. Долгопольский. Изучение лексики с точки зрения трансформационно-переводного анализа. Лексикографический сборник, V, М., 1962, стр. 75—77, 81—82.

обозначения основных частей руки. Некоторые языки, как чешский и индонезийский, имеют особые наименования для всех трех членов логического отношения; ср. чешск. *paže* 'рука в целом', *ruka* 'кисть руки' и *rameno* 'рука от кисти до плеча'. Другие языки имеют для этой цели два обозначения, из которых одно выделяет кисть руки и употребляется для обозначения руки в целом, а другое обозначает часть руки от кисти до плеч. Таковы языки французский, испанский, румынский, английский, немецкий, албанский, финский, эстонский, венгерский, азербайджанский, китайский, японский. Ср. франц. *main* 'кисть руки' и 'рука в целом' и *bras* 'часть руки от кисти до плеча', соответственно англ. *hand* и *arm*. Языки третьего типа пользуются общим обозначением целого, а для выделения частей применяют описательные выражения. К языкам данного типа относятся русский, украинский, словацкий, литовский, латышский, казахский, киргизский. Ср. русск. *рука* и *кисть руки*, *рука от кисти до плеча*

Сходные различия обнаруживаются и в обозначениях ноги. Русский язык находится на сей раз в числе языков, имеющих особые наименования для одной из частей ноги и ноги в целом: *стопа* и *нога*; ср. франц. *piéd* 'нога, стопа' и *jambe* 'нога от стопы и выше', англ. *foot* 'стопа' и *leg* 'нога, часть ноги выше стопы', нем. *Fuß* 'нога, стопа' и *Bein* 'часть ноги выше стопы'.

Заметим, что значение целого может совмещаться при этом как со значением 'стопа', так и с его коррелятом. Нем. *Fuß* неэквивалентно в этом отношении английскому *foot*, оно совмещает в себе значения «стопа» и «нога в целом», тогда как в английском этимологически родственное ему слово имеет лишь значение «стопа», а значение «нога в целом» совместно с значением «нога выше стопы» выражается словом *leg*. В некоторых немецких диалектах значение ноги в целом имеет *Bein*, а не *Fuß*. Русск. *нога* в отличие от нем. *Fuß* и т. д. обозначает только целое и частичного значения не обнаруживает. В русском, по-видимому, мы имеем дело не с трехчленным соотношением, как в западных языках, а с многочленным: «нога в целом» противопоставлена здесь таким ее частям, как «бедро», «голень» и «стопа».

Логические отношения, проглядывающие в русск. *нога* и его коррелятах, отличаются от отношений дополнительных множеств тем, что в состав надмножества теперь входят не два, а много подмножеств. В множествах нового типа также дана возможность сосуществования в одной лексеме значения надмножества (общего значения) и значения одного из подмножеств. Но теперь такое совмещение ограничено особыми условиями.

Русск. *машина* в принципе приложимо к любой машине. Отдельные подмножества этого понятия могут быть выделены как с помощью дополнительных определений (ср. *печатная машина, швейная машина, счетная машина*), так и специальными наименованиями (ср. *локомотив, автомобиль* и т. д.). Но *машина* по-русски может означать не только «машина вообще», но специально еще и «автомобиль». Общее значение сочетается в данном слове с особенным. Из множества частных значений почему-то выделилось одно, способное называться тем же словом, что и общее значение. Еще совсем недавно просто машиной по-русски называли железнодорожный поезд, ср. у Чехова: *Взял манеру этот Посудин потихоньку на следствие ездить... Выйдет неприметно из дому, чтоб чиновники не видели, и на машину... Доедет до какой ему нужно станции и не то что почтовых, или что поблагородней, а норовит мужика нанять.* Теперь такое обозначение устарело, и чеховское *выйдет из дому и на машину* будет теперь вне контекста воспринято как «выйдет из дому и на автомашину».

Употребление слова с общим значением для обозначения особого частного значения необходимо отличать от того, что Л. В. Щерба называл «неполным словом».¹¹² Когда рабочий в цеху называет печатную машину для краткости просто машиной, то перед нами пример замены «полного слова» «неполным». Такое сокращение терминологических сочетаний в определенных контекстных и ситуативных условиях вполне законно, как законно и сокращение устойчивых сочетаний вообще. Ср.: *По этой дороге мне приходилось часто ездить (вместо железной*

¹¹² Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, стр. 70.

дороге). Но *машина* в значении «автомобиль» — это не «неполное слово», хотя генетически такое употребление восходит к «неполному слову» (*машина* из *автомашина*). Для того чтобы общее обозначение могло укорениться в качестве наименования одного из частных значений, необходимы дополнительные условия. Необходимо, чтобы данное частное значение стало особенным то ли в силу большей распространенности выражаемого им предмета, то ли в силу его общей значимости или вызываемого им особого интереса. Ср. другие примеры подобного обозначения: *температура* в значении «повышенная температура тела как симптом болезни, жар» (*У ребенка температура — МАС*), *темперамент* — в значении «пылкий темперамент, сильная возбудимость» (*человек с темпераментом, у него есть темперамент*), *настроение* в значении «повышенное настроение, душевный подъем» (ср.: *работать с настроением*), *положение* — в значении «хорошее положение в обществе» (*человек без положения*) и т. д.

Иной тип логических отношений представлен в полярных множествах, элементы которых связаны между собой постепенными переходами. Классическим примером такого множества являются цвета. Огромное количество цветовых различий, улавливаемых человеческим глазом, и непрерывность переходов от одного цвета к другому обуславливают возможность многообразной членимости цветового ряда и, соответственно, многообразия способов выделения и обозначения цветов. С физической точки зрения различия между цветами являются чисто количественными и измеряются длиной световой волны. Это обстоятельство сближает континуум цветов с сосюрковским идеалом качественно однородной и произвольно членимой «массы», которую каждый язык «волен» подразделять как ему «угодно». Неслучайно поэтому обозначения цветов стали излюбленной моделью в теориях «значимости» и «семантического поля».¹¹³

Цветовой ряд содержит в себе, однако, не только количественные, но и качественные характеристики. Не-

¹¹³ I. Lyons. Structural Semantics. Publications of the Philological Society XX, Oxford, 1963, стр. 38.

которые элементы этого ряда, как главные ахроматические цвета — белый и черный — имеют в развитых письменных языках весьма точные эквиваленты.¹¹⁴ В области хроматических цветов также отмечается стойкое ядро в виде красного, синего и некоторых других цветов, четко выделяемых в разных языках.¹¹⁵

В силу отсутствия резких границ между отдельными элементами ряда количество основных цветов в разных языках может оказаться различным. Естественным следствием последовательной градации является и некоторая расплывчатость цветовых наименований. Но было бы неверно преувеличивать такие явления и делать из них далеко идущие выводы относительно «языкового мышления». Различия обозначения и в этой области не должны приниматься за различия понятийного плана. При рассмотрении относящихся сюда фактов необходимо считаться с возможностью полисемии и наличием дополнительных средств выражения цветов и цветовых оттенков. Бретонское *glas*, например, означает «голубой» и «зеленый», но из этого не следует, что бретонцы страдают цветослепотой и не отличают окраски зеленых бобов от синевы ясного неба.¹¹⁶ Если, далее, нем. *blau* объединяет в себе значения «синий» и «голубой», то в случае необходимости немец может воспользоваться уточняющими терминами и производными образованиями, как *indigo*, *dunkelblau*, *hellblau*, *himmelblau* и др. В каждом языке, помимо основных цветов, различаются многочисленные «предметные» оттенки цветов. Ср. русск. *лимонный*, *каштановый*, *салатный*, *морковный*, *свекольный*, *кирпичный*, *песочный* и многие другие. Мы не касаемся здесь языков, в которых отсутствуют специальные наименования цвета и его обозначение достигается путем сопоставления с определенными предметами, где, к примеру, вместо «зеле-

¹¹⁴ А. С. Мельничук. К оценке лингвистического структурализма. Вопр. яз., № 6, 1957, стр. 42.

¹¹⁵ См.: Ф. Н. Шемаки п. 1) К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его обозначение). Изв. Акад. пед. наук РСФСР, вып. 113, М., 1960, стр. 5 и сл.; 2) К вопросу об историческом развитии названий цвета. Вопр. психологии, 1959, № 4, стр. 16 и сл.

¹¹⁶ Ж. Вапдриес. Язык. М.: URSS, 2004, стр. 221.

ный» говорят «трава» или «как трава».¹¹⁷ И в таких языках различие цветов может быть, как показали этнопсихологические исследования, весьма изощренным.¹¹⁸ Но само по себе отсутствие специальных обозначений качеств (если оно носит универсальный характер и касается не только цветовых представлений) может свидетельствовать о другом, более низком уровне развития.

К логическим отношениям рассматриваемого типа относятся и оценочные определения типа *хорошо* и *плохо*. Между крайними точками и здесь располагается целая гамма промежуточных характеристик, открывающая широкий простор для большей или меньшей детализации. Сравнение оценочных систем, практикуемых школьным преподаванием в разных странах, дает наглядное представление о возможностях обозначения в данной семантической сфере.

Легко заметить, что синонимы, выражающие различие в степени известного признака, как *теплый—горячий*, *красноватый—красный*, *маленький—крохотный*, *пожилой—старый* и т. п., являются лишь небольшими фрагментами тех рядов, которые складываются из постепенно переходящих друг в друга множеств. Такие синонимы обычно выхватывают два или несколько смежных звеньев из обширного ряда элементов, расположенных между двумя взаимоисключающими множествами, обозначенными антонимами.

Подведем некоторые итоги.

Возможности обозначения, вытекающие из логических отношений между понятиями-множествами, заметно влияют на распределение значений между единицами словаря и являются одним из важнейших источников наблюдающейся в языке асимметрии между планами содержания и его звукового выражения. В функции обозначения слово выступает как диакритический знак, способствующий выделению и фиксации понятий. Так как понятия даны не в виде огромного скопления изолирован-

¹¹⁷ С. Д. Кацнельсон. Язык поэзии и первобытно-образная речь. ИОЛЯ, т. VI, 1947, стр. 306.

¹¹⁸ R. Thurnwald. Ethnopsychologische Studien an Südseevölkern auf dem Bismark-Archipel und den Salomo-Inseln. Zeitschrift für angewandte Psychologie, Beiheft 6, 1913, стр. 9, 14—15.

ных и друг с другом не связанных элементов, а как логически сопряженные единства, то их разграничение сводится к отграничению одного понятия от другого в пределах данного единства. Тип логических связей между сопряженными понятиями определяет возможности их обозначения. Согласно господствующим в языкознании воззрениям, решающую роль в процессе обозначения играет количество подлежащих разграничению понятий. Каждому элементу понятийного плана должен якобы строго соответствовать знаковый элемент в отношении 1:1. Но процесс обозначения обусловлен не только количеством сопряженных понятий, но и характером их сопряжения. Количество знаковых элементов может существенно отклоняться от числа обозначаемых понятий, порождая явления понятийной полисемии и синонимии. Процесс совмещения разных значений в одной лексеме и синонимического дробления объекта совершается при этом отнюдь не произвольно, а в закономерной связи с возможностями, вытекающими из логической типологии множеств.

От заложенных в логической структуре понятий возможностей их обозначения зависит не только принятый в том или ином языке способ обозначения, но до известной степени и самый состав лексических значений. Расхождения в семантическом строе отдельных языков затрагивают подчас и репертуар существующих в данном языке значений. Способ обозначения понятия во многом предопределяет, будет ли данное понятие представлено в языке в виде лексического значения или нет.

Многие понятия, как известно, не находят прямого обозначения в языке и выражаются описательным путем. Ср.: *альпийские луга на Северном Кавказе, первый послевоенный экономический кризис в США, матричное представление логических сетей, сравнительная грамматика индоевропейских языков* и т. д. Такие описательные обозначения в отличие от слов и устойчивых словосочетаний не фиксированы строго и допускают различные вариации (например, *северно-кавказские альпийские луга, высокогорные луга на Северном Кавказе* и т. п.). Значения их складываются из значений, входящих в состав такого обозначения слов и устойчивых сочетаний, и легко

выводятся из них. Они не входят поэтому в число значений, непосредственно связанных с словарными единицами.

Многие обозначения, с которыми мы сталкивались выше при рассмотрении способов обозначения, были в действительности лишь описательными выражениями, не представляющими самостоятельных семантических единиц (семем). Более того, они воспринимаются вообще не как обозначения, а скорее как свободные синтаксические сочетания. Так, *брат и сестра* или *братья и сестры* не ощущаются в русском языке как носители особого лексического значения; не то нем. *Geschwister* или шведск. *syskon*, где сходное значение закреплено в специальной лексеме. Разница между прямым и описательным обозначением не является, таким образом, чем-то внешним и посторонним для самих значений, к числу которых могут быть отнесены только элементарные понятия, непосредственно выраженные лексемами и приравненными к ним словарными единицами. Понятия, обозначаемые с помощью описаний, семем не образуют. Граница между элементарными понятиями (лексическими значениями) и сложными лишь весьма приближенно совпадает в разных языках.

Некоторые особенности словоупотребления коренятся в различии прямых и окольных обозначений. Отметим две из них — нелюбовь к парафразе и синтаксическую подвижность описательных обозначений.

Парафразу не следует смешивать с описательным обозначением. Одно дело, например, *брат и сестра*, — сочетание, восполняющее в русском языке отсутствие прямого обозначения, а другое дело — *отец* и *мать* при наличии слова *родители*. Описательные выражения широко употребительны в каждом языке, тогда как парафразы в общем избегаются. Замена прямых обозначений парафразами допустима лишь в ограниченных случаях. Систематическое употребление парафраз придало бы нашей речи неестественный характер, сделало бы ее неудобоваримой. При освоении чужого языка нарушение этого правила часто приводит к ошибкам, поскольку описательные обороты одного языка при механическом перенесении их в другой язык нередко превращаются в парафразы.

Выражения типа *Окончить строительство своего дома* покажутся русскому тяжеловесными сравнительно с простым *отстроиться*, как показался бы непривычным для немца буквальный перевод сочетания *провести бой до конца* при наличии таких слов, как *durchkämpfen* или *durchfechten*.

Существенной особенностью описательных обозначений является их синтаксическая членимость и способность сокращаться за счет элементов, ставших избыточными в контексте речи. Сочетания типа *Hand und Arm*, необходимые в языке типа немецкого при желании подчеркнуть, что имеется в виду рука в целом (ср. испанскую фразу из Сервантеса: ¿Quién abrasó el brazo y la mano a Mucio? 'Что заставило Муция сжечь себе руку?'), содержат в себе элемент избыточности, который ясно ощущается при дословном воспроизведении их в языке типа русского. Вместо *кисть руки и часть руки от пясти до плеча* по-русски говорят просто *рука* или *вся рука*, что делает речь более лаконичной, освобождая ее от избыточных элементов.

Другой пример. Русским глаголам, обозначающим положение предмета в пространстве, как *стоять*, *лежать*, *висеть*, во французском соответствуют составные обозначения *être debout*, *être couché*, *être suspendu*. Так как уточнение позиции предмета зачастую несущественно, то француз в таких случаях легко обходится с помощью одного глагола *être* или *se trouver*, *il y a*, в то время как в русском отношения конкретизируются: *Приемник стоит на столе*, *Книга лежит на столе*, *Картина висит на стене*.¹¹⁹ Элемент избыточности присутствует на этот раз в русском способе обозначения.

Контрасты этого рода дают иногда основания говорить о большей абстрактности одного языка сравнительно с другим и, соответственно, большей конкретности другого языка. Такие определения, конечно, весьма относительны, так как они зависят от того, с каким языком сопостав-

¹¹⁹ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Перевод под редакцией Р. А. Будагова. М.: URSS, 2009, стр. 378.

См. также: В. Г. Гак. Некоторые общие семантические особенности французского слова в сравнении с русским и вопросы лексикографии. Лексикографический сборник, IV, М., 1960, стр. 20.

ляется данный язык, а также от количества привлеченных к сравнению фактов. Но даже в этих пределах они недостаточно точны, так как могут навести на мысль, что различия этого рода коренятся в особом уклоне мысли, особой установке. Между тем во всех таких случаях речь идет не о различиях национальных типов мышления и национальной психологии, а о различиях способов обозначения.

2. Семантическая структура языка и неогумбольдтианское «видение мира»

Понятие «способа обозначения» сложилось в языкознании еще в начале прошлого века, когда В. Гумбольдт впервые поставил вопрос о «различиях структур человеческого языка». Слово, обозначая предмет, является, по Гумбольдту, не «эквивалентом открывающегося чувствам предмета», а выражением субъективного восприятия предмета или специфического понятия о нем, доминировавшего в момент называния. «В этом заключается главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета; если в санскрите слон называется то дважды пьющим, то двузубым, то снабженным рукою, то этим выражаются различные понятия, хотя и подразумевается один и тот же предмет. Ибо язык никогда не представляет предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образуемые умом в процессе языкотворчества».¹²⁰

Субъективность языка проистекает, согласно такой концепции, из чувственного созерцания, фантазии и эмоций народа, из «народного духа». Структура каждого языка, его грамматический строй и присущие ему способы словотворчества составляют «внутреннюю форму языка», его самобытные и неповторимые особенности. Не только понятие извечного и неизменного в своей сущности «национального духа», но и порождаемая им

¹²⁰ W. von Humboldt. Werke, III. Schriften zur Sprachphilosophie. Berlin, 1963, стр. 468. Ср.: В. Гумбольдт. О различии организмов человеческого языка. Перевод П. Билярского. СПб., 1859, стр. 92.

«внутренняя форма языка» носят, в таком понимании, умоизобразительный и метафизический характер. Поставив вопрос о причинах многообразия языковых структур, Гумбольдт придал ему односторонне генетическую направленность. Применительно к лексике это означало, что самобытность языка проявляется в способе именования, в том специфическом подходе к предмету, который запечатлевается в акте наречения.

Именно так восприняли Гумбольдта его последователи, пытавшиеся подвести под его учение рациональную психологическую основу. Этнопсихологическое направление в языкознании, представленное именами таких выдающихся исследователей, как Х. Штайнталь и А. А. Потемня, выделило в содержании слова два конструктивных момента — значение и «представление». Придавая метафоре исключительное значение как средству образования новых значений, в особенности на ранних этапах формирования речи, этнопсихологи видели в переносе значения сложный мыслительный акт, в котором новое значение формируется на основе старого.

Новое значение никогда не возникает на пустом месте, оно должно опираться на предшествующее значение, которое частично удерживается в новом. Из состава предшествующего значения при этом выделяется признак, опосредствующий переход к нарождающемуся значению и выступающий в роли его «представителя» (откуда и термин «представление»). Сделав свое дело, этот этимологический признак может впоследствии побледнеть и даже вовсе отпасть, и тогда в слове остается одно лишь его значение. Во многих словах современных языков, как в русск. *дом, рука, яблоко, рыба*, этимологический признак полностью утрачен.

Генетический подход, наметившийся в расплывчатых рассуждениях Гумбольдта, получил таким образом вполне определенные и четкие очертания. Из двух элементов содержания слов — «представления» и значения — этнопсихолога интересует главным образом первый. Значение, утратив чувственный признак, с помощью которого оно сложилось, становится, по мнению Штайнталья, чистым понятием. Языковед же может интересоваться не ло-

гический, а психологический аспект значения, т. е. значение в его становлении.

Этнопсихологическая интерпретация языка сосредоточила свое внимание на деривации значений и их деривационных связях с другими значениями. Но абстрактно-генетический подход к явлениям деривации помешал ей разглядеть разницу между отжившими и живыми деривационными связями, между этимологией и актуальным слово- и сеообразованием. Отворачиваясь от значений как чистых понятий и обращаясь к «представлениям» как психологической основе лексикологии, этнопсихологи не замечали семантических различий в строе языков, подменяя их этимологическими различиями. Понятие «внутренней формы языка» как глобального принципа, охватывающего все самобытные черты данного языка в его содержательном плане, не стало в итоге менее априорным, чем оно было у Гумбольдта. Никто из исследователей так и не сумел доказать, что деривационные связи в языке, во всех его словах и грамматических формах, с древнейшей поры и по сие время отражают единую ориентацию, свойственную «психике» каждого народа.

В выдающихся грамматических трудах Потебни можно воочию видеть, как углубленный анализ форм языка постепенно приводит к замене абстрактно-генетического психологизма конкретно-историческим пониманием развития грамматических категорий.

Языкознание XX в. разрушило иллюзию, будто лексические значения в принципе одинаковы во всех языках. Ф. де Соссюр, подчеркнувший недопустимость смешения абстрактно-исторического (диахронического) подхода к языку с исследованием актуально-данной системы отношений (синхронии), отметил существенные расхождения в семантической структуре различных языков. Реализация понятия о значении — важнейшее достижение современного языкознания в области семасиологии, и всякая теория значения, игнорирующая это обстоятельство, тем самым ставит себя по ту сторону грани, отделяющей наше столетие от прошлого. В теоретическом плане новые факты ставят перед исследователем вопрос, ранее никогда не всплывавший: как прими-

ритель очевидные и неоспоримые факты семантического расхождения языков с признанием принципиального единства человеческого мышления?

Современное языкознание знает две попытки освещения этого вопроса.

Соссюр, как мы видели, пытался выйти из затруднения путем элиминации реальных значений и замены их диффузными значимостями. Такое решение спасало единство человеческого мышления, но мышление при этом теряло свое конкретное содержание и превращалось в «бесформенную и туманную массу». То, что удавалось спасти, было лишь жалким подобием реального мышления, его бледной тенью. Неогумбольдтианцы пошли по другому пути. Они пытаются приспособить старые понятия «национального духа» и «внутренней формы языка» к новым условиям, «перебазировав» их с этимологических оснований на актуально семантические. Принцип универсальности человеческого мышления удерживается ими только для высшей сферы мышления, главным образом научной. Что же касается обыденного мышления, то оно, в их понимании, дробится на множество национальных типов, по числу существующих языков. Проявляющемуся в оболочке каждого языка национальному типу мышления отводится при этом роль медиума, посредника между языком и высшей сферой мысли. Так как переход к научной мысли не исследуется, а только декларируется, то практически неогумбольдтианская концепция сводится к отрицанию единства человеческого мышления.

Наиболее последовательное и полное выражение неогумбольдтианские взгляды получили в работах Л. Вайсгербера. Последний, как и Соссюр, исходит в своих рассуждениях из своеобразия семантической структуры каждого языка. Но в отличие от Соссюра он признает активную роль мышления в формировании языка. Не знаки и их противопоставления, а мышление определяет содержание элементов языковой структуры. Вайсгербер решительно возражает против соссюрианской переоценки роли знака в системе языка: «Языковые содержания (Sprach-inhalte, т. е. содержательные единицы языка, лексические и грамматические, — С. К.) хотя и прикреплены

к знаку, но им не определяются». ¹²¹ Неогумбольдтианские «языковые содержания» и сам язык зависят не от оппозиций знаков, а от особого «видения мира» (Weltsicht), присущего данному народу, от свойственной ему системы понятий, при помощи которой он воспринимает действительность. «Понятие» и «идеи», презренные Соссюром, ставятся, таким образом, неогумбольдтианцами во главу угла.

Гумбольдт в свое время выводил различия языков из многообразия национальных типов мировоззрения и мирозерцания. Его современные последователи предпочитают исходить не из форм общественной идеологии и индивидуального сознания, а из особого «способа видения мира», будто бы определяющего своеобразие каждого языка в содержательном плане. Новое понятие «видения мира» ориентировано, по утверждению неогумбольдтианцев, на раскрытие внешнего мира, на его познание и духовное освоение. Поворот от мировоззренческих систем к познавательной деятельности человеческого ума можно было бы только приветствовать, если бы ему не сопутствовала ярко выраженная тенденция к субъективистическому извращению природы человеческого мышления.

Отмечая, что в формировании «языковых содержаний» принимают участие четыре фактора — природа, человеческий род, индивид и этническая общность, — Вайсгербер подчеркивает, что первые три фактора не имеют существенного значения и отступают на задний план перед четвертым. Основным фактором формирования языка и его содержания является, с такой точки зрения, этническая общность. Если бы Вайсгербер хотел этим сказать, что реальным творцом и носителем языка является не общество вообще, а конкретное историческое сообщество, народ, то против такого положения нечего было бы возразить. Но он утверждает нечто большее. Он считает, что каждая этническая общность по-своему преобразует внешний мир, превращая его в особую специфическую для данного языка «картину» или «образ» мира (Weltbild). Внешний мир входит в язык только через призму «нацио-

¹²¹ L. Weisgerber. Die inhaltbezogene Grammatik. (Von den Kräften der deutschen Sprache, II, Vom Weltbild der deutschen Sprache, Halbband 1). Düsseldorf, 1953, стр. 81—82.

нального видения». ¹²² Такое толкование ставит под сомнение объективность внешнего мира и возможность его отражения в формах языка. Вместе с тем оно подрывает тезис о единстве человеческого мышления и единстве содержания различных языков.

Как же неогумбольдтианец обосновывает свои положения? Какие факты приводит он в защиту положения об особой «мыслительной установке», пронизывающей все слова и формы данного языка?

Вайсгербер ссылается на слова типа *Unkraut* 'сорняк' или *Obst* 'фрукты', указывая на их субъективный характер. Содержание таких слов коренится, по его мнению, не в природе и внешнем мире, а в связанной с языком «промежуточной духовной сфере». Ни один ботаник, говорит он, не смог бы выделить ботанические признаки, по которым бы все сорные травы подводились под данное понятие; объединение их происходит не на основе объективных ботанических признаков, а по признаку отношения к человеку. ¹²³ Конечно, *сорняк* и *фрукты* не ботанические понятия. Но разве хозяйственные и агротехнические факты, к сфере которых относятся эти понятия, менее объективны? Как бы чувствуя, что «промежуточная духовная сфера» отдельного языка здесь ни при чем, он спешит добавить: «Только человек на основании своего опыта делает эти растения *сорными*, поскольку они ему неприятны, тягостны, враждебны. Одно лишь человеческое видение является предпосылкой данного превращения, лишь благодаря обусловленному этим видением преобразованием растения могут духовно выступать в роли *сорняка*». ¹²⁴

Перед нами здесь яркий образец неогумбольдтианских рассуждений, расплывчатость которых поддерживается нестрогим употреблением понятий и незаметными соскальзываниями с одной плоскости явлений на другую.

¹²² Там же, стр. 57. Мы не касаемся здесь социально-политических аспектов воззрений Вайсгербера, получивших оценку в статье М. М. Гухман «Лингвистическая теория Л. Вайсгербера» (в сб.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике, М., 1961, стр. 123 и сл.).

¹²³ Там же, стр. 52.

¹²⁴ Там же, стр. 52—53.

Только что говорилось, что такие понятия, как «сорняк», коренятся в «промежуточной духовной сфере» данного языка и обусловлены специфическим «видением мира», присущим данной этнической общности. Вслед за этим оказывается, что все дело в практическом опыте, в котором человеку определенные растения противостоят как объективно враждебная сила. Из «духовной сферы» все, таким образом, переводится в сферу практических отношений, причем «человек» теперь уже не член определенной этнической общности, а представитель человеческого рода, поскольку он знаком с земледелием и пользуется продуктами хозяйственной деятельности.

Но и в новой сфере неогумбольдтианец задерживается недолго. Он спешит заявить, что растения выступают в роли сорняка только духовно и являются следствием духовного «видения», но на этот раз уже не «этнического», а «человеческого». Где же обещанное нам доказательство положения, что основным фактором формирования содержания языка является этническая общность и присущий ей специфический способ «видения мира»?

В действительности, конечно, все понятия типа *овощи, фрукты, ягоды, съедобные грибы, скот, лекарственные травы* и т. п. относятся к сфере хозяйственной деятельности людей и отражают объективные отношения, складывающиеся в процессе общественного преобразования природы. Во всех таких случаях, как давно отметил Маркс, «словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи... определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей».¹²⁵

В других случаях Вайсгербер ссылается на реальные факты специфической структуры отдельных языков. Но эти случаи разнотипны и не поддаются сведению к единому понятию национальной «картины мира» и «духа языка».

Некоторые из приводимых им примеров никакого отношения к содержанию языковых образований не имеют.

¹²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, М., 1935, стр. 461.

Когда Вайсгербер и его последователи утверждают, что разница между нем. *Eisenbahn* и франц. *chemin de fer* «также относится к „духу языка“, влияния которого никто избежать не может»,¹²⁶ то здесь явная натяжка. Смысловой разницы между этими обозначениями (ср. еще русск. *железная дорога* с иным соотношением формальных элементов) Вайсгербер не определяет. Конечно, способ оформления того или иного значения также входит в специфику каждого языка, но в данном случае он касается лишь плана выражения. Растяжение понятий «духа языка» и «картины мира» вплоть до охвата формальных приемов словообразования, как словосложение, устойчивое словосочетание и т. п., явно не содействует прояснению содержания ключевых понятий теории и свидетельствует о предвзятой тенденции за каждым формальным расхождением видеть различия типов мышления.

Сопоставления по линии этимологической прозрачности слов и их принадлежности к лексическим гнездам также не имеют прямого отношения к делу. Немецким словообразовательным рядам *hören—Hörer—Anhören; blind—Blindheit; Bruder—brüderlich* во французском соответствуют супплетивные ряды, образованные из французских слов и поздних заимствований из латыни: *entendre—auditeur—audition; aveugle—cécité; frère—fraternel*¹²⁷ (ср. параллельные русские ряды *слушать—слушатель—слушание; слепой—слепота; брат—братский*). Существование в языке продуктивных средств словопроизводства существенным образом влияет, как указал еще Н. В. Крушевский, на структуру языковой памяти. Деривационные связи во многом определяют стилистическое употребление слов. Система словообразования обнаруживает ряд специфических особенностей в каждом языке, составляя, таким образом, важный элемент его типологической характеристики. Но в контексте неогумбольдтианского исследования сопоставление систем словообразования призвано подкрепить тезис о национальной

¹²⁶ L. Weisgerber. Die sprachliche Erschließung der Welt. (Von den Kräften der deutschen Sprache, II, Vom Weltbild der deutschen Sprache, Halbband 2). Düsseldorf, 1954, стр. 251.

¹²⁷ Там же, стр. 218.

самобытности содержания каждого языка. Между тем связь деривации с особенностями «языкового раскрытия мира» и его «духовного преобразования» остается невыясненной.

Вайсгербер уделяет много места рассмотрению полисемии и синонимии в лексике и грамматическом строе немецкого языка. Сознательная установка на изучение конкретного содержания языковых единиц в их функциональной связи и взаимодействии не могла не сказаться на результатах исследования, изобилующего ценными и тонкими наблюдениями. Нельзя, однако, пройти мимо того факта, что конкретные результаты этих работ находятся в явном противоречии с предвзятыми теоретическими положениями, которыми руководствовался исследователь.

При трактовке явлений полисемии и синонимии Вайсгербер не поддается гипнозу соссюрговской значимости, основанной на принципе «один знак — одна значимость». Он знает, что «закон знака» действителен лишь в той мере, в какой признается, что звуковая форма и содержание не могут существовать друг без друга. Но необходимая внутренняя связь между этими элементами отнюдь не предполагает их «непосредственный параллелизм». ¹²⁸ Упрощенное понимание «закона знака» в смысле простого параллелизма формы и содержания в языке весьма опасно, так как оно порождает иллюзию, будто «исследование звуковой стороны языка может прямолинейно привести к выделению языковых содержания». ¹²⁹

Отвергая соссюрговскую идею параллелизма звучания и значения в языке, Вайсгербер останавливается на полпути. Идея анизоморфизма, отсутствия симметрии между звуковыми и семантическими (функциональными) единицами в языке, им четко не формулируется. Этому препятствует гумбольдтианская романтическая установка; любое, даже самое малое отклонение строя одного языка от другого, должно рассматриваться как эманация и проявление «национального духа».

Гумбольдтианский подход ярко сказывается в трак-

¹²⁸ L. Weisgerber. Die inhaltbezogene Grammatik, стр. 81.

¹²⁹ Там же, стр. 75.

товке полисемии. Франц. *les herbes* охватывает то, что в немецком выражается словами *die Kräuter* 'злаки, зелень, овощи, капуста' и *die Gräser* 'травы'; франц. *fleur* соответствует нем. *Blume* 'цветок' и *Blüte* 'цвет, цветение'. Что означают эти факты? Смешивает ли француз зелень, употребляемую в пищу, и траву, цветы и цветение, растворяет ли он такие различия в единых диффузных понятиях? Вайсгербер не склонен так думать, так как исходными единицами у него выступают не знаки, не звуковые комплексы, а «языковые содержания». «И все же, — неожиданно заключает он, — духовное отношение к этим вещам оказывается различным».¹³⁰ Отмечая, что франц. *groseille* означает как *Johannisbeere* 'смородина', так и *Stachelbeere* 'крыжовник' (заметим, что *groseille* в значении «крыжовник» это, в сущности говоря, лишь «неполная форма» от *groseille à maquereau*), он находит, что объединение этих значений в одном слове «не снимает, видимо, их различимости, но мыслительное обращение с ними несомненно затрагивается при этом».¹³¹

Колебания Вайсгербера в вопросе полисемии весьма показательны. Он явно боится признать, что мыслительное содержание может совпадать в разных языках, несмотря на различия оформления. Каждый язык во всех деталях своей структуры представляется последователю Гумбольдта неповторимой в своей самобытности структурой, в которой все от начала до конца проникнуто «духом языка», характерным для него «способом видения мира».

Реальное чутье семасиолога, ориентированного на конкретные значения, подсказывает исследователю, что полисемия не уничтожает различия «содержаний» и что тезис о параллелизме формы и содержания неприменим к языку. Но как гумбольдтианец, он не может признать, что различия в таких случаях касаются не значений, а некоторых подчиненных моментов (актуальности деривационного признака, стилистической окраски и т. д.). Предполагая, что за каждым формальным различием обязательно скрывается «различное духовное отношение к вещам», различие «мыслительного обращения с ними», он

¹³⁰ Там же, стр. 56.

¹³¹ L. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1950, стр. 30—31.

снова приходит к тезису о параллелизме формы и содержания в языке, выступающему теперь в несколько измененном виде («нет формальных различий, за которыми не стояли бы глубокие содержательные различия, связанные с познанием мира»).

Расплывчатость понятия «видения мира», к которому сводятся все отличительные особенности языка, как формальные, так и смысловые, дает о себе знать и при рассмотрении «семантических полей» и синонимических рядов. В лексической группе глаголов, обозначающих прекращение жизни, Вайсгербер выделяет три «слоя»: 1) глаголы, выражающие смерть в зависимости от того, идет ли речь о человеке, животном или растении, как *sterben* 'умирать', *verenden* 'околевать', *eingehen* 'засохнуть' (по ср.: *das Tier ist eingegangen* 'животное околело'); 2) глаголы, выражающие смерть в связи с обстоятельствами, вызвавшими ее, как *erliegen* 'умирать от болезни', *umkommen* 'погибнуть (о неестественной, насильственной смерти)', *ersticken* 'задохнуться', *ertrinken* 'утонуть', *erfrieren* 'замерзнуть', *verhungern* 'умереть с голоду', *fallen* 'пасть смертью храбрых' и др.; 3) глаголы, в которых выражено субъективное и эмоциональное отношение к смерти: *ableben* 'отживать свой век', *hinscheiden* 'скончаться', *entschlafen* 'успокоиться', *sich davontmachen*, *abkratzen* 'дать дуба, сыграть в ящик', *verrecken* 'издохнуть' и др. В итоге формулируется «вывод»: «Вся совокупность слов, образующих поле „умирать“, почти целиком уходит своими корнями в сферу промежуточного духовного мира, где человеческие способы видения и оценки определяют сущность вещей и дают ей человеческое истолкование и пояснение».¹³²

В одно «лексическое поле» здесь произвольно сведены слова, выражающие концептуальные различия вроде «задохнуться», «утонуть», «замерзнуть» и стилистические синонимы типа «успокоиться», «опочить», «скончаться». Совершенно ясно, что отношение таких слов к действительности различно. В одном случае слова отражают объективные различия, в другом — различия субъективной и эмоциональной оценки. Вайсгербер утверждает,

¹³² L. Weisgerber. Die inhaltbezogene Grammatik, стр. 142.

что во всех таких словах одинаково проявляются «человеческие способы видения и оценки». Между тем элемент субъективного видения и оценки, наличный в словах второго типа, в словах первого типа отсутствует. Разница между «утонуть» и «умереть с голоду» отнюдь не субъективного происхождения. Отношение языковых структур к этим типам неодинаково. Концептуальные различия по понятным причинам чаще находят себе соответствия в разных языках, чем стилистические. Произвольно приписав всему «полю» свойства субъективной оценки, исследователь делает другой неоправданный шаг, включая данное «поле» в сферу «промежуточного духовного мира», т. е. национального «способа видения». Ничем не мотивированный переход от одного «способа видения» к другому типичен для методов исследования неогумбольдтианства. Между анализом конкретных материалов и общими теоретическими положениями здесь наблюдается резкий разрыв, поддерживаемый расплывчатостью ключевых понятий, нагромождением избыточных терминов (ср. «промежуточный духовный мир», «способ видения», «дух языка», «языковая картина мира», «духовное преобразование мира», «языковое раскрытие мира», «особый языковой подход» (Zugriff) и т. п.) и непоследовательными переходами от одного положения к другому.

В некоторых случаях Вайсгербер пытается определить специфику национального «видения мира». Он говорит, например, о присущей немецкому языку тенденции к конкретности, образности и динамичности сравнительно с абстрактностью и статичностью французского языка.¹³³ Приводимые в подтверждение такой характеристики материалы весьма фрагментарны и, что особенно важно, касаются не мышления и познания внешнего мира, а способов обозначения понятий. Если, например, немецким глаголам покоя *stehen* 'стоять', *sitzen* 'сидеть', *liegen* 'лежать', *hängen* 'висеть' во французском языке противостоит «абстрактное» *être*, которое в случае надобности может быть конкретизировано (*être debout*, *être assis* и т. д.), и если немецким глаголам движения *gehen* 'ходить', *reiten* 'ехать верхом', *fahren* 'ехать' и т. д. во французском со-

¹³³ L. Weisgerber. Die sprachliche Erschließung der Welt, стр. 213—224.

ответствует *aller*, которое также может быть уточнено в случае надобности (*aller à cheval, en voiture, en bateau* и т. д.); то в этом следует видеть не различия типов мышления, а лишь проявления различных способов обозначения.

По словам Х. Гиппера, специфическое лингвистическое «зрение», определяющее особенности каждого языка в содержательном плане, «ориентировано на познание, на синтез сделанных наблюдений и добытых суждений».¹³⁴ Но в материалах, которыми оперируют неогумбольдтианцы, нет ни единого факта, который свидетельствовал бы о том, что познание мира совершается в каждом отдельном языке по своим особым и неповторимым законам. Исследования Вайсгербера и его последователей во многих случаях содержат ряд интересных семантических и грамматических наблюдений, но основная идея современного гумбольдтианства, согласно которой семантический и грамматический строй языка отражает единый мыслительный подход к внешнему миру, подтверждения в них не находит. Создается впечатление, что, говоря о «духе языка», современные приверженцы идей Гумбольдта употребляют это выражение не критически, в обывательском смысле, разумея под ним все специфические особенности данного языка. Конечно, описательные (синтаксические) обозначения не соответствуют «духу» немецкого языка с его богатой системой морфологического словопроизводства и словосложения, но внешнее оформление и способ обозначения понятий — это одно, а мифическое «этническое мышление», выступающее в роли модернизованного «национального духа» романтиков начала XIX в. — нечто совсем другое.

Необходимо заметить, что сами гумбольдтианцы начинают сознавать, что их «языковое раскрытие мира» отмечено печатью субъективизма.

Вайсгербер, начавший с положения, что этническая общность является единственным существенным фактором формирования языкового содержания, в итоге исследования приходит к выводу, что «картина мира, открывающаяся в родном языке, это место встречи субъективно-человеческого начала и объективно значимого» и

¹³⁴ H. G i p p e r. Bausteine zur Sprachinhaltsforschung, Düsseldorf, 1963, стр. 38.

что это обстоятельство требует «постоянного внимания к обеим сторонам и способу их взаимодействия». Национальный момент в «языковом раскрытии мира» явно скрадывается теперь и заменяется общечеловеческим. «Нельзя — продолжает он, — считать безразличным или невозможным исследование чего-либо, что выходит за пределы картины родного языка. Как раз наоборот, именно раскрытие специфических языковых факторов в формах человеческого мышления является предпосылкой к достижению того, что стоит над родным языком (das Über-Muttersprachliche), к достижению действительно общечеловеческого и, — если это в принципе возможно, — общезначимого».¹³⁵

Противоречивые гносеологические тенденции особенно резко проявляются в обзорной работе Гиппера, — одного из последователей Вайсгербера. Ср., с одной стороны: «Языковые миры это не фотографии или простые отражения природы, а духовные преобразования и способы видения определенных исторических языковых общностей. Точнее говоря, языковой подход к миру (der sprachliche Zugriff) имеет в виду совсем не внечеловеческую действительность; он ориентирован, — и это обстоятельство проясняет весь контекст, — на уже приспособленную и видоизмененную действительность, т. е. на человеческий мир».¹³⁶ И с другой стороны: «Не подлежит сомнению, что человек не предустанавливает силой своего мышления порядок в хаосе и что, будучи сам частью целостности, он сталкивается с определенными структурами и порядками, которые он стремится по-своему познать. В сколь многообразных формах не протекало бы духовное преобразование мира в разных языках, всегда и везде нужно считаться с тем, что „структура мира“ также входит в структуру языка. Решения, предлагаемые языком, и способы былой и современной обработки внешних событий могут при более точном анализе оказаться не столь уже антропоморфными и произвольными, так как они не могут проистекать из чистой фантазии и

¹³⁵ L. Weisgerber. Die sprachliche Erschließung der Welt, стр. 275.

¹³⁶ H. Gipper. Bausteine zur Sprachinhaltsforschung, стр. 18; ср. еще стр. 31.

случайности. При всем многообразии языковых структур мы повсеместно обнаруживаем сопоставимые пути транспортирования мира вещей, потока событий, безграничности природных явлений в формы языка... Различные языки с их различными картинами мира свидетельствуют о многоплановости и многозначности мира».¹³⁷

Смысловые единицы языка это действительно не фотографии и мертвые копии внешнего мира. Они отражают действительность в своеобразной и противоречивой форме. Человеческий ум и язык подходят к реальности со стороны заключенного в них «общего», они всегда выделяют отдельное в связи с общим, и этот специфический подход является источником их гибкости и силы, но одновременно таит в себе опасность субъективного извращения предметного мира и отлета от него. Содержание языковых форм к тому же неполно отражает действительность, так как язык — это лишь система средств, необходимых для более полного и точного выражения мысли в развернутом речевом построении. Будучи ориентировано на познание внешнего мира, человеческое мышление и язык неотделимы от внутреннего мира человека, от его эмоций и модальных оценок. Каждый язык поэтому необходимо содержит в себе средства модальной и экспрессивной характеристики речи.

Но эти моменты еще не исчерпывают субъективную сторону речевых явлений. Содержание языковых элементов отражает внешний мир лишь относительно и приближенно. Относительность языкового содержания зависит не от мифической «предустановки» того или иного народа и присущего ему «способа видения» мира, а от исторического уровня развития наших знаний о мире, который, в свою очередь, зависит от степени развития практической деятельности людей и общественного преобразования природы.

Иногда неогумбольдтианцы делают некоторые шаги в сторону признания исторической обусловленности мышления. Когда, например, Трир и Вайсгербер сопоставляют «семантические поля» современного немецкого языка и непосредственно предшествовавшего ему «сред-

¹³⁷ Там же, стр. 125.

него» периода, и обнаруживают при этом существенные перемены, то в таком сравнении нельзя не видеть некоторый отход от гумбольдтовского «национального духа», неизменного в своей метафизической сущности. В средневерхненемецкую эпоху классификация животного царства производилась, как отмечает Вайсгербер, по внешнему признаку способа передвижения. Слово *vogel* обозначало тогда не только птиц, но и пчел, бабочек и мух, т. е. то, что летает; *wurm* значило не только «червяк», но и «змея, гусеница, паук». Общего слова в значении «животное вообще» еще не существовало: слово *tier* обозначало тогда «дикий зверь» в отличие от *vihe* «домашний скот». С течением времени семантическая структура этого «поля» заметно меняется. Одним из этапов перемены было выделение насекомых (*Insekten*) в XVIII в. Содержание таких слов, как *Vögel* и *Würmer*, заметно ограничивается. Слово *Tier* приобретает значение общего понятия, и одновременно вырабатывается понятие животного царства (*Tierreich*).

Но выводы Вайсгербера при этом непоследовательны и противоречивы. С одной стороны, он не может не признать, что в этом процессе сказывалось воздействие «научных порядков зоологии и классов Линнея», т. е. углубление научных знаний в процессе познания природы и общественное распространение этих знаний, а с другой стороны, он механически продолжает настаивать на том, что в основе развития лежит пресловутое «видение мира». «Конечно, — замечает он, в этом развитии то и дело дают о себе знать условия самого животного мира, но следствием развития является не „объективное“, а человеческая картина мира, не зоология, а родной язык».¹³⁸

Элементы историко-типологического подхода к проблеме прощупываются также в концепции американского исследователя Б. Л. Уорфа, близость которой к неогумбольдтианству отмечается Вайсгербером и его единомышленниками. Хотя американский исследователь, подобно солидаризирующимся с ним немецким ученым, считает, что выражаемые в языке понятия до некоторой степени

¹³⁸ L. Weisgerber. Die sprachliche Erschließung der Welt, стр. 80—81.

обусловлены структурой языка и «нормами мышления» или «мыслительным миром», с помощью которых люди пытаются «измерить и понять» внешний мир,¹³⁹ тем не менее в американском варианте неогумбольдтианства со-держатся некоторые черты, заметно отличающие его от немецкого варианта. Противоположение европейских языков, как проявлений «среднего европейского стандарта», языкам американских индейцев несколько отличает Уорфа от других гумбольдтианцев. Основной принцип современного гумбольдтианства гласит, что за каждым структурным различием языков стоит различие «языкового мышления». Между тем, утверждая, что между «языковыми мышлениями» романских и германских языков существуют «лишь незначительные различия»,¹⁴⁰ Уорф фактически разрушает основу, на которой зиждется у Вайсгербера типологическое противопоставление немецкого языка французскому. Хотя американский исследователь категорически возражает против исторического подхода к типам мышления, тем не менее выделение типов мышления в связи с элементами культуры и такими «этнологическими рубриками», как сельское хозяйство, охота и т. п. («грамматика языка хопи отражает в какой-то степени культуру хопи так же, как грамматика европейских языков отражает „западную“ или „европейскую“ культуру»), заключает в себе несомненный зародыш социально-исторического подхода к проблеме языка и мышления.

¹³⁹ Б. Л. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. В сб.: Новое в лингвистике, I, М., 1960, стр. 152—153.

¹⁴⁰ Там же, стр. 140.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Идеи, сложившиеся в семасиологии в результате открытия относительности лексических значений, фокусируются в понятии «семантической системы» или «семантической структуры языка». Современное языкознание знает две основных и в ряде отношений диаметрально противоположных разновидности этого понятия.

1. Система Соссюра. С ней мы познакомились выше при разборе соссюровского учения о значимости. Основные черты этой системы могут быть резюмированы в следующем виде:

а) Весь механизм языка выводится из противопоставлений. За элементарные единицы семантической системы принимаются вытекающие из противопоставлений слов «значимости».

б) Число значимостей в системе приравнивается к числу противостоящих друг другу слов-знаков («принцип параллелизма формы и содержания в языке»).

в) Значимости определяются как чисто дифференциальные единицы, не имеющие положительного содержания. Они вычлняются только отрицательно по контрасту с прочими элементами системы («не то, что другое»).

г) Подобно своим частям (значимостям), и мышление в целом лишено в таком понимании положительного содержания. Это якобы «бесформенная и смутная масса», обладающая свойствами абсолютной однородности и произвольной членимости. Все содержание такого «мышления» сводится к различиям, вносимым в него извне языком.

д) Система значимостей представляется лабильной и неустойчивой. Любое изменение в количестве знаков

должно отражаться на всей системе, поскольку значимости полностью зависят от противопоставлений и могут свободно распределяться между разными количествами слов.

е) В системе господствует индетерминизм («произвольность»), так как разграничение «масс» звучания и мышления на отдельные знаки здесь ничем не обусловлено и связь между «звуком» («означающим») и значимостью («означаемым») внутри слова-знака оказывается чисто внешней по своей природе.

Как исследователь с тонким чувством языка, Соссюр, разумеется, не мог не ощущать сковывающего воздействия такой интерпретации и, как было показано выше, в ряде существенных пунктов испытывал сомнения и колебания. В частности, это относится к пониманию связи между семантическими единицами в системе. Как чисто дифференциальные единицы, значимости, по Соссюру, зависят от одновременного наличия прочих значимостей в данной системе. На деле, однако, Соссюр вынужден признать, что лишь «смежные термины», т. е. «слова, выражающие смежные понятия», взаимодействуют и определяют значимость элементов данного ряда. Тем самым в определение значимости вносится концептуальный элемент — в резком противоречии с принятыми посылками. Стремясь быть последовательным, Соссюр в конечном счете отбрасывает такие сомнения и развивает парадоксальную концепцию семантической системы, в которой реальные значения ничего больше не значат и все сводится к количеству знаков, принимающих участие в игре.

II. Неогумбольдтианская система. Основные черты этой концепции, которая, несмотря на некоторые точки соприкосновения с концепцией Соссюра, в целом резко отличается от нее, могут быть сформулированы в следующих тезисах:

а) Элементарными единицами семантической системы являются «содержания слов», которые в противовес «скомпрометированным» значениям ориентированы не на предметный мир, а на специфический «способ видения» или «раскрытия мира», присущий данной этнической общности.

б) Принцип параллелизма формы и содержания в языке хотя и ставится порой под сомнение, но в общем удерживается, поскольку за каждым формальным различием предполагается различие «языковых содержаний» и скрывающегося за ними «способа видения мира».

в) Положительное содержание значений в принципе не отрицается, но раскрытие его осложняется субъективистическими домыслами, ослабляющими и заметно подрывающими признание реальных значений.

г) отождествляемое с этническим «видением мира» языковое мышление имеет объективные моменты, но они отступают на задний план, поскольку основной упор делается на субъективные моменты, реальные и мнимые, относимые на счет этнического «видения мира».

д) Система в целом представляется устойчивой, как устойчива данная этническая общность и приписываемый ей тип «видения мира». Факты исторических изменений в системе нередко учитываются, но последовательного объяснения с принятой за исходную точки зрения в общем не находят.

а) В системе господствует механический детерминизм; все отличительные особенности системы, как содержательные, так и формальные, расцениваются как прямые и непосредственные преломления «этнического мышления», пронизывающего весь строй языка.

Большая конкретность «содержаний слов» сравнительно с «значимостями» способствовала выделению «семантических полей» в качестве ближайших сфер («микросистем»), в которых совершается размежевание и взаимодействие значений. Но вопрос об отношении «семантических полей» к мышлению и реальной действительности не подвергся при этом специальному исследованию, в силу чего объективные условия формирования значений остались невыясненными.

Анализ семантических фактов, проведенный в предшествующих главах, позволяет противопоставить концепциям Соссюра и неогумбольдтианства иное понимание семантической системы. В тезисном изложении эта система может быть представлена следующим образом:

а) Основными единицами семантической системы языка являются лексические значения (семемы), по своему объективному содержанию совпадающие (точнее, стремящиеся совпасть) с формальными понятиями.

б) Между лексическими и семантическими единицами нет прямой корреляции. Явления полисемии, синонимии и синтаксической деривации нарушают параллелизм между значениями и фонетическими словами («принцип асимметрии или анизоморфизма»).

в) Лексические значения своеобразно, противоречиво и неполно отражают предметы и отношения, открывающиеся людям в процессе познания объективной действительности. Содержание значений обусловлено как свойствами самой объективной действительности, так и уровнем развития познавательной мысли. В известных пределах содержание слов может быть модифицировано под влиянием формальных факторов и обратного воздействия форм языка на их содержание.

г) Мышление — это не «бесформенная и смутная масса», лишённая положительного содержания, но также и не этнически обусловленный «способ видения мира». Как специфический процесс отражения природы в уме человека, мышление всегда содержательно и в своем общественно-историческом развитии обусловлено историко-материальными условиями общественной жизни, развитием практической деятельности людей. Содержание мышления отнюдь не исчерпывается совокупностью семантических единиц языка. Система языка и ее содержательная сторона являются лишь необходимой предпосылкой для накопления и хранения мыслительных элементов, их умственной переработки и упорядочения, актуализации мысли и передачи ее в акте коммуникации. Непосредственным проявлением мысли является не система языка, а конкретный речевой акт и его продукт, — определенный отрезок речи (текст).

д) Инвентарь семантических единиц не случаен и произволен, как думают соссорианцы; в своей основе он детерминирован познанием объективного мира и уровнем развития мышления. Но этот детерминизм не «жесткий», как думают неогумбольдтианцы. Перед каждым языком всегда открыт ряд возможностей обозначения понятий и

их формального выражения, что придает семантической системе значительную гибкость и подвижность. В семантической системе языка господствует, таким образом, вероятностный детерминизм, допускающий ряд возможных реализаций основной закономерности развития.

Вопрос о причинах расхождений семантических структур отдельных языков получает в соответствии с третьей концепцией семантической системы следующий ответ. Если отвлечься от различий в уровне развития и в составе реалий, то различия семантических структур могут быть сведены к действиям внутриязыковых факторов. К их числу относятся:

1. **Типы деривации.** Из существующих типов деривации, — морфологической, семантической и синтаксической, — только первый иррелевантен в интересующем нас отношении. Что же касается двух последних, то они не безразличны для содержания выражаемого ими значения и во многих случаях ведут к расхождениям между языками. Семантическая деривация, основанная на метафорическом переносе значений, способствует сохранению живой связи между производящим и производным значением, что отражается на семантике слова и его употреблении. Этим, в частности, объясняется стремление говорящего перенести особенности полисемии родного языка на изучаемый им чужой язык. По-иному влияет на значения синтаксическая деривация. Поскольку связь между лексическими компонентами обозначения синтаксически прозрачна, такие обозначения в контексте легко освобождаются от избыточных элементов, порождая впечатления обобщенного или метонимического словоупотребления (*дорога* вместо *железная дорога*, *рука* вместо *кисть руки* и т. д.). Словосложение в языках, где оно широко развито, приближается в этом отношении к синтаксической деривации.

2. **Способы обозначения.** Под способами обозначения здесь понимаются особенности языкового выражения, вытекающие из структуры подлежащего обозначения понятийного поля. Различие бинарных и полярных полей во многом определяет различие способов обозначения. В случае бинарных полей семантические расхождения зависят только от способа формального выражения бинарных по-

ятий, т. е. от того, выражены ли они супплетивными лексемами, либо же с помощью деривации, и в последнем случае еще от того, какое из бинарных понятий стало исходным элементом словопроизводства и какой тип деривации использован при обозначении. Сложнее обстоит дело с полярными полями. В последнем случае наличие шкалы постепенных переходов между полярными понятиями обуславливает возможность различной сегментации переходной оси между полюсами. На такой оси обычно выделяется некоторое количество опорных пунктов, обозначения которых выступают как основные термины, получающие в случае надобности уточняющие характеристики. Количество таких «опорных обозначений» колеблется в разных языках (ср. обозначения цветов).

3. **Стилистические моменты.** Экспрессивные и жанровые характеристики значений также влияют на семантическую структуру языка, поскольку в одних случаях они приводят к появлению специальных лексем, выступающих в роли «стилистических форм» одного значения, а в других случаях, когда экспрессивной приметой слова становится интонация или эмфатическое произношение фонем, мультипликация лексем не имеет места. Особые отношения возникают иногда при наличии в языке ряда лексем, претендующих на роль носителя данного значения. Такие лексемы, нередко принадлежащие по своему происхождению к разным территориальным и социальным диалектам, могут уживаться рядом в языке таким образом, что каждый из коррелятивных терминов получает свою, не всегда точно отграниченную стилистико-контекстуальную сферу употребления в рамках единого значения (ср. *ручка, рукоятка, рукоять* и др.).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Полнозначимое слово и понятие	3
1. Основные разновидности полнозначимых слов	3
2. Единство значения и понятий	9
3. Отношение лексического значения к понятиям формальным и содержательным	18
4. Значение слова и предмет	25
5. Генезис элементарных понятийных структур	28
6. Критика антименталистических теорий значения	34
Смысловое содержание слова, значение и значимость	40
1. За и против полисемии	40
2. Критика «общих значений»	47
3. Полисемия и омонимия	55
4. Учение Соссюра о значимости	62
5. Элементы значимости в полисемии и синонимии	70
Значение и обозначение	76
1. Структура понятийного поля и способ обозначения	76
2. Семантическая структура языка и неогумбольдт- тланское «видение мира»	87
Некоторые итоги	104

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

Бенвенист Э. Общая лингвистика.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.

Балли Ш. Французская стилистика.

Балли Ш. Упражнения по французской стилистике.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области.

Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков.

Савченко А. П. Сравнительная грамматика индоевропейских языков.

Маккаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания.

Матезиус В. Избранные труды по языкознанию.

Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание.

Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике.

Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения).

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования.

Рождественский Ю. В. Типология слова.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков.

Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы.

Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова.

Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки.

Головин Б. Н. Введение в языкознание.

Погодин А. Л. Язык как творчество.

Пизани В. Этимология (история, проблемы, метод).

Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность.

Поливанов Е. Д. Введение в языкознание.

Поливанов Е. Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике.

Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка.

Тел./факс:

+7 (499) 724-25-45
(многоканальный)

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)

«Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)

«Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)

«Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)

«У Нептуара» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чапаева, 15. Тел. (499) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.

Блумфилд Л. Язык.

Мартине А. Основы общей лингвистики.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.

Есперсен О. Философия грамматики.

Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю).

Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии.

Серия «Женевская лингвистическая школа»

Балли Ш. Жизнь и язык. Пер. с фр.

Сеше А. Очерк логической структуры предложения. Пер. с фр.

Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Пер. с фр.

Фрей А. Грамматика ошибок. Пер. с фр.

Фрей А. Соссюр против Соссюра? Статьи разных лет. Пер. с фр.

Серия «Классический университетский учебник»

Селищев А. М. Старославянский язык.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология.

Козаржевский А. Ч. Учебник латинского языка.

Серия «Новый лингвистический учебник»

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика.

Плуняна В. А. Общая морфология: Введение в проблематику.

Серия «Школа классической филологии»

Тронский И. М. История античной литературы.

Тронский И. М. Очерки по истории латинского языка.

Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе.

Боровский Я. М., Болдырев А. В. Учебник латинского языка.

Коган П. С. Очерки по истории древнегреческой литературы.

Курциус Г. Греческая учебная грамматика.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел. +7 (499) 724-25-45 (многоканальный)
 или **электронной почтой URSS@URSS.ru**
 Полный каталог изданий представлен
 в **интернет-магазине: <http://URSS.ru>**

**Научная и учебная
литература**

Соломон Давидович КАЦНЬЕЛЬСОН

(1907–1985)

Выдающийся российский лингвист-теоретик, классик отечественного языкознания. Доктор филологических наук, профессор. Автор трудов по скандинавистике, германистике, сравнительно-историческому языкознанию, лингвистической типологии, философии языка, истории языкознания.

В 1932 г. окончил педагогический факультет II МГУ; в 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «К генезису номинативного предложения», в 1939 г. — докторскую на тему «Номинативный строй речи: Атрибутивные и предикативные отношения». С 1940 г. — профессор, сотрудник Института языка и мышления им. Марра, преподавал в Ленинградском университете. В 1971–1976 гг. заведовал сектором индоевропейских языков, а в 1976–1981 гг. — сектором теории грамматики и типологических исследований Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

С. Д. Кацнельсон — один из основных представителей Ленинградской грамматической школы. Его работы предшествовали появлению семантической и грамматической типологии. Занимался также исторической акцентологией германских языков и историей языкознания. Инициатор и главный редактор выходившей в Ленинграде серии монографий «История лингвистических учений» и монографии «Грамматические концепции в языкознании XIX века».

Об авторе

Наше издательство предлагает следующие книги:

9581 ID 119054

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС +7 (499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56